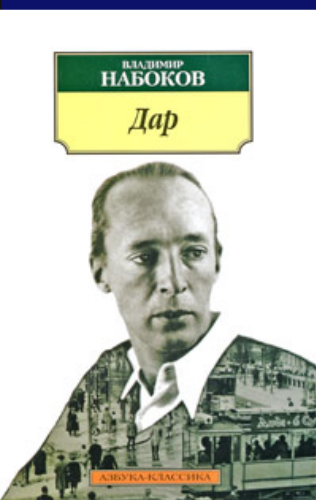

LiveLib

Журнал о книгах

Февраль 2011

Над номером работали:

Extranjero – главный редактор и верстальщик.

Countymayo – редактор и бездонный источник знаний.

Clicksoftsky – корректор, последний оплот грамотности в нашей редакции.

Deli – редактор и безумный оптимист.

TibetanFox – автор и помощник в самых разных вопросах.

Neznat – обозреватель и единственное официальное лицо в нашей компании.

Авторы:

TibetanFox

Fermalion

duduki

Whatever

Oriana

rvanaya_tucha

kuncevic

Neznat

Icelips

Raziel

Empty

Vella

Toccata

BlackFox

blade_o_grass

Silmarilion1289

Apsny

Helga_Inglis

Журнал создан пользователями LiveLib.ru

Вступление редактора

Когда на улице мороз, а за окном, спрятав лица от холодного ветра, проходят редкие прохожие, книжные страницы как никогда приятны и уместны. Кто-то впадает в спячку с когда-то читанным томиком, чтобы вспомнить былое, а кто-то, скользя по льду, бежит в книжный и жадно расспрашивает продавца о новинках.

Возможно, каждый когда-то стоял перед дилеммой – читать новое или перечитывать старое? Новая книга – как новый знакомый. Первые страницы, ещё ничего не зная, пробираешься, подмечаешь детали, приспособливаешься к стилю, откладываешь. Потом берешь её снова – новая встреча, уже со знакомой книгой. А дальше всё зависит от того, понравилась книга или нет. Будешь ли откладывать её раз за разом, пока не оставишь её пылиться навсегда. А может быть, за чтением заметишь, что прочитанная половина книги уже заметно потолстела, глянешь на часы – а минутная стрелка как-то незаметно сделала пару оборотов.

Extranjero.

Если у вас возникнут вопросы, предложения, замечания, умные мысли, или если вам просто хочется что-то написать и отправить – пишите на magazine@livelib.ru

Рецензии

- 18** «Дочь скульптора» Туве Янссон
Whatever
- 19** «Из Африки» Карен Бликсен
Oriana
- 20** «Дар» Владимир Набоков
rvanaya_tucha
- 22** «Хазарский словарь» Милорад Павич
kuncevic
- 24** «Девушка с татуировкой дракона» Стиг Ларссон
Neznat
- 25** «Контурные карты для взрослых»
icelips
- 30** «Заповедное место» Фред Варгас
Raziel
- 32** «Похождения бравого солдата Швейка»
Ярослав Гашек
Empty
- 33** «Дело о пеликанах» Джон Гришэм
Vella
- 34** «Смерть героя» Ричард Олдингтон
Toccata
- 36** «К югу от границы, на запад от солнца»
Харуки Мураками
BlackFox
- 38** «Великий Гэтсби» Фрэнсис Скотт Фицджеральд
blade_o_grass
- 39** «Игра в классики» Хулио Кортасар
Silmarilion1289
- 40** «Столпы земли» Кен Фоллет
Apsny
- 42** «Голодные игры» Сьюзен Коллинз
Helga_Inglis

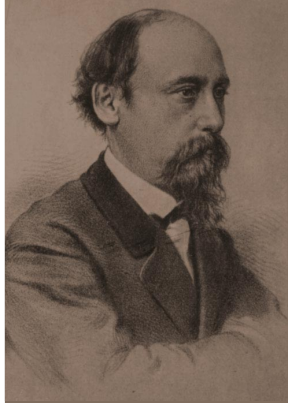
Дэн Браун

Fermalion и TibetanFox
разбирались, что важнее
в детективе – отточенный стиль
и историческая достоверность
или залихватский экшен.

Умберто Эко

стр. 6

Самоотверженность

Человек, ставший
одним из ярчайших
отечественных поэтов
XIX века не благода-
даря, а вопреки.

стр. 46

Двадцать лет истории —
и одна ошибка: перечеркнул
ли «Цветочный крест» репу-
тацию «Русского Букера»?

стр. 52

НФ и фэнтези - 2010

Обзор событий и
вышедших книг от Deli

стр. 56

Интервью с Landnamabok
о литературных жанрах,
соционике и воспитании
детей.

стр. 12

Подборка книг «Ко дню сня-
тия блокады Ленинграда»

стр. 14

Путешествие в Прагу
Густава Майринка
в поисках Голема

стр. 62

Дэн Браун

Дэн Браун и Умберто Эко при схожей тематике творчества имеют совершенно разную аудиторию. Эко – философ и историк, почётный доктор множества университетов. Браун – любимец издателей, почетный автор книг с многомиллионными тиражами. Кто есть кто, разбирались Fermalion и TibetanFox.

Умберто Эко

S

Дэн Браун

Рецензия Fermalion на книгу «Ангелы и Демоны»

Критика Дэна Брауна — это почти как восхваление Терри Пратчетта: зачастую не имеет никакого отношения к, собственно, творчеству писателя и является исключительно признаком «правильных» литературных взглядов. Не обязательно *читать* книги Брауна и иметь о них своё собственное мнение — достаточно просто вовремя морщить носик и называть его конъюнктурщиком, чтобы создать о себе впечатление «литературного гурмана».

Язык, которым написана книга — это ни в коем случае не высокохудожественная беллетристика в духе Коэльо или Эко. Это просто разговорный язык, временами достаточно интеллектуальный, временами обычный — ни больше и ни меньше. В нём почти не встречается никакого откровенного насилия над лексикой, а ироничные замечания критиков вызваны, скорее, работой переводчиков.

Это ни в коем случае не «жвачка» для «тупых американцев»! Ещё раз подчеркну: Браун хоть и не мастер изящности словесной, всё же достойно умеет изъясняться на **нормальном языке**.

Теперь что касается историзма.

Давайте вспомним вот о чём: *реалистичные* фильмы-боевики будут вполнину не так интересны, как фильмы, наполненные художественными подтасовками и фантастическими допущениями.

Машина не может взорваться от подожжённой струйки бензина (или, по крайней мере, не сделает этого мгновенно и так красочно). Раненный в плечо человек не будет продолжать перестрелку с втрое превосходящими силами противника. Вентиляционные шахты вовсе не такие светлые, чистые и легкодоступные, как о них принято думать. Ну, и так далее.

То же самое можно сказать и в отношении исторической (или квазиисторической) литературы: исторический роман становится значительно более интересным, если автор позволил себе слегка подогнать факты, притя-

нуть что-то за уши и гиперболизировать какие-то факты для достижения художественной выразительности.

Центральный же сюжет книги — это самый что ни на есть **настоящий Экшен**.

Это остросюжетный триллер, написанный по всем канонам американского кино, с перестрелками, погонями, бомбой, обезвреженной в самый последний момент и обязательной интимной сценой в качестве хэппи-энда.

Да, штамп на штампе. Клише и тривиальщина. Совершенно заезженные приёмы построения сюжетной линии. Но это — только общие черты, приблизительный скелет всего произведения.

А конкретные события предугадать совершенно невозможно. Что будет в следующий момент, кто стрелял, какова следующая зацепка — это абсолютно непредсказуемо.

Всё-таки сильнейшая и главнейшая сторона книг Дэна Брауна — это именно сюжет, его неожиданная интрига и ураганная закрученность. События цепляются друг за друга, растут, как снежный ком и заставляют проглатывать главу за главой. И то, что автор жонглирует фактами и «подтягивает» историю под свои нужды, только делает повествование более загадочным, глубоким и интересным.

А фальсификации? Да и пусть — в конце концов, у нас тут триллер, а не учебник по истории!

В общем, картина такова: академики и доктора наук лопаются от смеха из-за вопиющих искажений фактов. Лингвисты и любители «высокого штиля» в литературе сокрушаются о примитивном разговорном стиле автора.

А простые читатели, не выискивающие в книге фактических или лексических ошибок, получают огромное удовольствие от лихо закрученного боевика и триллера, обильно приправленного средневековой мистикой и оккультизмом.

Рецензия TibetanFox на книгу «Ангелы и демоны»

Если брать за единицу отсчёта интеллектуального детектива, допустим, Умберто Эко, то Перес-Реверте будет нулём, а Дэн Браун — минус единицей. И тем не менее, он безумно популярен, по нему снимаются высокобюджетные красочные фильмы, а количество изданий на книжной полке магазина действительно впечатляет.

Браун не писатель, ни в коем случае. Это довольно упрямый графоман с хорошими познаниями в психологии маркетинга, поэтому он точно знает, что народ захочет купить. Хочется всемирных заговоров, тайных сообществ и ещё «интеллектуальности», чтобы читатель почувствовал себя приобщившимся к мистическим секретам? Пожалуйста, посмотрите по телевизору сотню серий какой-нибудь «скандальной» передачи про людей, ловящих зубами пули, чудесных экстрасенсов и, конечно, загадочных масонов, — вот и готов фундамент для «Ангелов и демонов». Конечно, для бурной биомассы потребителей чтения-жвачки продраться через 600 страниц будет нелегко, но в этом тоже плюс: пусть почувствуют себя великими, одолев их. А чтобы они не захирели, все непонятные слова мы будем сносочками объяснять: кто такие масоны, что такое атом, от каких слов образован «теофизик», и что они означают. Сразу обрисовывается целевая аудитория: американские среднестатистические жвачные, которые при слове «мистика» восхищённо закатывают глаза.

Язык откровенно убогий, какие-то насквозь фальшивые стереотипные выражения картонных героев, где все «полыхают гневом», в глазах у всех «затаённая боль», а у плохих персонажей, несомненно, «зловонное дыхание». Упрощение, чрезмерная примитивизация, какой-то комикс-детектив, а не настоящая книга. Весь роман не покидает ощущение, что это просто очередное телевизионное шоу, игра в 12 записок, вот и камеры, вот и зрители. Зрелищность и экшн, конечно же, даже в ущерб смыслу. Кстати, покоробил сквозящий культ Америки — преклонение перед американским профессором и утверждения, что американская валюта является самой великой и могущественной... Единственный плюс такой мешанины и шоуподобности в том, что невозможно догадаться, куда дальше переместится

действие и зачем, потому что логика отсутствует. Такое ощущение, что Браун наугад тыкал пальцем в различные названия, а потом через силу находил объяснения и состыковки. Вспоминая того же Эко: ведь придумать связь можно почти между любыми явлениями, если как следует постараться. Думаю, Дэн Браун весьма порадовал бы издателей «Гармона» в «Маятнике Фуко».

Главный герой, детектив Лэнгдон, меня потрясает. Во-первых, он позиционируется как интеллектуал, но никак это почему-то не подтверждает. Меня очень удивило, что Виттория сразу поняла, что он отмечен печатью интеллекта. Недюжинная проницательность, особенно если учесть, что единственное, что он при ней до этого сказал: «Антивещество? Кажется, им управляют корабли в Стар-Треке». Вообще, как детектив Лэнгдон явно не состоялся — он либо решает загадки слишком поздно, либо неправильно, большая же часть информации появляется у него случайно по счастливому стечению обстоятельств. Финальную же загадку «Кто главный злодей?» и вообще решает не он. Лэнгдон занимается только тем, что бегаёт по декорациям, морщит лоб и везде огребаёт по полной.

Впрочем, остальные персонажи тоже умны, как на подбор. Умнейший начальник швейцарской элитной гвардии запирает Лэнгдона в помещении с прямой телефонной линией к папе римскому (точнее, уже к камерарию), хотя его цель — не дать Лэнгдону связаться с ним. На предмет мобил браваый гвардеец тоже не догадается их обыскать. Возникает логичный вопрос: он попал на свою службу по блату? Как такой клинический идиот мог стать начальником?

Отдельный вопрос: зачем в начале книги даётся сценка из жизни Лэнгдона о том, как он подарил батю розочку, а потом отнёс её обратно в магазин, а батя и не заметил? Просто чтобы было? Это никак не сказалось на характере Лэнгдона, это не играет никакой роли в сюжете, это вообще не нужно.

Итог. Не знаю даже, стоит ли его тут подводить. В принципе, при достаточной степени скуки один раз книжку прочитать можно. Но только если рядом больше нет никакой другой литературы.

Умберто Эко

Рецензия TibetanFox на книгу «Имя розы»

К написанию рецензии на этот роман я собираюсь, как к восхождению на высокую горную вершину, — тщательно и основательно. Потому что штурмуется не просто хороший роман, не просто шедевр, а настоящее гениальное произведение. Писать о нём можно много и долго, но я не буду углубляться в дебри, интересные филологам и литературоведам, расскажу только о своём читательском погружении.

Умберто Эко в «Заметках на полях...» прекрасно объяснил, откуда у романа такое, казалось бы, не связанное с текстом название. «Роза» — слово, у которого столько символов, что его значение размылось. Повторяюсь, не буду лезть в дебри, интересные филологам и литературоведам. Для широкого читателя такое название значит только — «Поиграй со мной». Умберто Эко предлагает читателю поиграть, всего лишь. «Роза» — такая же дразнилка, как «Выпей меня» на бутылочке в руке у Алисы. Игра предстоит нелёгкая, сам Эко безумно радуется, что первая сотня страниц отсеивает большую часть читателей.

«Имя розы» я читала несколько раз, и каждый раз возникало ощущение, что я читаю совершенно другую книгу. Книга-игра, головоломка, которая всё время поворачивается к тебе другим боком. Настоящий лабиринт.

Самый первый раз «Имя розы» я прочитала ещё в школе, даже не в старшей, а, наверное, классе в девятом. Не буду лукавить, большую часть книги я тогда не то что не поняла, но даже не восприняла. Но я читала этот роман как детективный, поэтому упорно пропускала непонятные и скучные места (все исторические, богословские и описательные гигантские абзацы) и с упорством слепца в лабиринте ползла вперёд, наслаждаясь чистой водой интересным сюжетом — вот трупы, вот следователь, вот странный способ убийства, вот антураж. Красота! Эко упоминает читателя, который сказал ему, что все слишком сложные

места он воспринимал как тупики и части лабиринта, которые только разжигали интерес.

Второй раз за «Имя розы» я взялась уже в университете. Багаж знаний значительно пополнился, поэтому роман больше всего воспринимался как исторический. Знакомые имена, знакомые сюжеты... Два престола, еретики, инквизиция, борьба церкви и императора, спор францисканцев и бенедиктинцев о том, должна ли церковь быть бедной или богатой... Потрясающе. Атмосфера полного погружения. И даже несмотря на то, что моя любовь к историческим романам не слишком велика, роман вновь прочитался на «ура».

И вот третье прочтение романа. Не знаю даже, как обозвать его с того ракурса, который интересовал меня в этот раз. Философский? Религиозный или теологический? Психологический, что ли? Больше всего меня интересовала причина конфликта Хорхе и остального мира. Конечно, поверхностно я рассматривала это ещё в универе, но именно сейчас захотелось подумать об этом поглубже. Хорхе поступает так с людьми не из-за жестокости или жадности до знаний. Он искренне верит, что несёт своими действиями добро. Хорхе — Порядок с большой буквы, хранитель традиций, поэтому вопрос «Смеялся ли Иисус Христос?» для него очень важен и имеет однозначный отрицательный ответ. Бог Хорхе не допускает смеха или любого проявления веселья. При этом Хорхе, как он неоднократно упоминает, очень уважает Вильгельма. Но Вильгельм — носитель новых идей, реформатор, приверженец хаоса. Поэтому он и противостоит слепому библиотекарю. Очень сильно напоминает конфликт из «Моцарта и Сальери» Пушкина. Насколько вы помните, Сальери там убивает Моцарта не из зависти — он искренне любит его. Но он верен строгому храму искусства и вынужден убить Моцарта, чтобы тот не погряз в многолетние традиции своим новаторством. Защитники, фанатики... Очень интересная тема для размышлений.

Рецензия Fermalion на книгу «Маятник Фуко»

Понять, сможете ли вы читать «Маятник Фуко», достаточно просто. Откройте книгу с самого начала и прочтите первые пару страниц.

Если вам потребовалось более одного прочтения для того, чтобы осмыслить все сказанное — вы проиграли.

Поставьте книгу на полку и забудьте о ней. Ведь дальше не будет никаких пояснений, упрощений или комментариев для неискушенного читателя.

Умберто Эко полагает, что все его читатели — это люди блестящего ума, обладающие выдающимися знаниями по семиотике, теологии, истории, древним учениям и естествознанию.

Подобно тому, как авторы учебника по матанализу с первой же главы повергают читателя в пучину интегралов, дифференциалов и рядов Фурье, не утруждая себя объяснением правил умножения и возведения в степень, Эко вываливает на читателя ядерный коктейль эзотерических течений и оккультных практик тысячелетий человеческой истории, нисколько не помогая читателю освоиться и разобраться в происходящем.

Каббала и иудаизм, тамплиеры и розенкрейцеры, масоны, буддисты, адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы, шаманские и медитационные практики, даосизм, дзен, натурфилософия — в каждую из этих областей автор «закапывается с головой», выуживая на поверхность десятки и сотни имен, названий и географических точек, сплетая в единую историю сотни ритуалов, хронологий и просто случайных событий.

Он почти ничего не поясняет, он просто ВНЕЗАПНО рассказывает нам, что Фридрих Восьмой был внебрачным сыном второй жены внучатого племянника двоюродной бабушки Ульриха Пятого, а после этого так же ВНЕЗАПНО делает паузу и страшно пучит глаза, ожидая от читателя возгласов «Как так?! Не может этого быть! Какая неожиданность!»

С боем продираясь сквозь каждый абзац текста, наполненный символизмом, глубинным оккультным смыслом, таинственностью и просто нагромождением красивых слов, я всё ждал, когда же тут, собственно, начнётся само повествование.

Бесполезно. Герой книги съездил в Бразилию, потом разочек смотался на дачу да пару раз заскочил в издательство — вот и весь экшен, вот и весь сюжет. Остальные 90% текста — это лютые,

неистовые рассуждения о глубинных смыслах сакральных иудейских практик.

Иногда, впрочем, в книге попадаете и нечто изящное и интересное — например, описание схемы работы двух издательств, игра на тщеславии графоманов-псевдоинтеллектуалов. Но эти пять страниц не стоят того, чтобы с кровью и слезами продирается к ним на протяжении предыдущих двухсот страниц, и никак не оправдывают того факта, что об иудаизме и масонах, оказывается, можно поболтать с первым встречным барменом или девушкой неотяжелённого поведения.

Я не отношусь к людям, которые во что бы то ни стало дочитывают любой бред, который взялись читать. Я просто захопнул книгу на середине и задвинул её подальше, ощущая собственное ничтожество от того, что не смог выучить наизусть всю династию Рыцарей Розы и Креста с двенадцатого века и до наших дней, учитывая всех их племянников, зятьёв и внуков.

Если отбросить сарказм, то я считаю разумным и правильным, когда автор умнее и эрудированнее своего читателя: его книги приятно читать, как приятно беседовать с умным человеком.

Но «Маятник Фуко» — это совершенно особый случай. Это книга, в которой баланс «интеллект/экшен» настолько сдвинут в сторону первого, что она начинает напоминать какой-то академический труд по гуманистической философии, которая любому среднестатистическому читателю обеспечит несколько часов здорового крепкого сна.

Ладно, пусть я дурак и быдло. Пусть я не могу оценить прелесть настоящих игр разума и довольствуюсь лишь «жиденькой кашкой» от всяких там Дэнбраунов. Но я не могу получать удовольствие от книги, каждая страница которой вызывает у меня жгучее желание забиться в Гугл минут на сорок.

Есть мнение, что Дэн Браун — это Умберто Эко «для самых маленьких». Пусть в таком случае я буду самым маленьким.

Зарядка для ума — это прекрасно, но если в ней появляются наручники и подчинение — с нею пора заканчивать.

Интервью с Landnamabok

Сегодня на наши вопросы отвечал человек с широчайшим кругом интересов: 16 лет он проработал со скаутами, увлекается социальной педагогикой и не одобряет школьную систему образования. Помимо этого, он играет на народных музыкальных инструментах, увлекается народными танцами, вяжет крючком и плетет пояса на берде. В разговоре с человеком таких обширных интересов было трудно удержаться в рамках одной тематики, но я постарался.

Брал интервью Extranjero

– Здравствуйте! Все мы читаем книги, и читаем помногу. Часто ли Вы перечитываете книги?

– Здравствуйте. Отвечу издалека. Как-то в одной из своих книг Артур Шопенгауэр заметил, что мыслящий человек не должен читать чужих книг – забавное высказывание. И только через несколько лет я узнал, что к 40 годам сей философ на момент интересного высказывания прочитал основной корпус мировой литературы – часто на языках оригиналов.

Я никогда не перечитываю книг. Для меня перечитывание книги – как вторичное знакомство с хорошим другом. Читаю я довольно медленно. Если не понимаю текста, буду перечитывать страницу.

– Какие жанры в литературе Вы предпочитаете? И насколько корректно можно разделить литературу на жанры?

– Я люблю узкожанровую литературу – то есть ту литературу, которая влезает в каноны любого конкретного жанра. Одно время читал только те книги, которые считал принадлежащими к размытому понятию интеллектуального романа. Люблю хорошую литературу в рамках: классического детектива (Дэшил Хэммет, Г.К. Честертон, Пер Валё), научной фантастики (Ф.К. Дик, Л.М. Буджолд, Гарри

Гаррисон, Роберт Хайнлайн), экспериментальная проза (Ален Роб-Грийе, Макс Фриш, Элиас Канетти), поэзия (Леонид Губанов, поэты «Парижской ноты», Мандельштамы – все трое, Алексей Машевский), женский роман (Джорджет Хейер, Лорен Вайсбергер), драматургия – обязательно (Юджин О’Нил, Л. Жуховицкий, Л. Андреев)... Нет плохих жанров, просто в разных жанрах процент паразитирующих на жанре разный. Делить литературу на жанры не только корректно, но и необходимо.

– Хорошо, следующий вопрос: что Вам нравится, а что не нравится в литературном постмодернизме?

– Попробую ответить на своё представление о постмодернизме. Нравится – смелость литературного эксперимента, часто виртуозное владение словом, разговорно-литературный слог. Не нравится вненравственность такой литературы, зачастую просто отсутствие морали в тексте; размывание сюжета и «конец романа» в такой литературе (я больше люблю роман); непрописанность персонажей, их условность, когда каждый персонаж – это всего лишь сам писатель.

– Насколько серьезно, по-Вашему, можно воспринимать художественную литературу? Какое место она может занимать в жизни?

— Очень серьёзно. Художественная правда важнее правды жизни. Своё место она может занимать. Художественная литература часто подсказывает нам ответы на важные вопросы и задаёт нам сами вопросы, с которыми в реальной жизни мы вряд ли встретились бы.

— Чем, по-Вашему, можно объяснить то, что к нон-фикшну возвратился читательский интерес?

— Мне кажется, что на этот вопрос ответов может быть несколько.

Во-первых, этот интерес никогда и не пропадал, просто читатель этого жанра сильно помолодел.

Во-вторых, век у нас прагматический, и многие книги этого жанра могут быть использованы утилитарно. Меня, например, шокировал подход одного рецензента к книге Даниила Гранина «Эта странная жизнь» как к пособию по тайм-менеджменту. А с другой стороны — почему бы и нет?

В-третьих, это сугубо личное... мнение. Мне кажется, что у людей, насмотревшихся официальной искусственной жизни — гламур, эстрада — появилось желание знакомства с живыми людьми, с живыми страстями, противоречивыми характерами — желание глотка свежего воздуха.

— Вы увлекались соционикой. Что может дать изучение науки любителю?

— Для меня соционика по большому счёту — игра, но игра содержательная, увлекательная и в чём-то полезная. В соционике каждый может что-то найти для себя. В минуту слабости всегда можно оправдаться: «Но ведь я Дон-Кихот, а все Дон-Кихоты хамы, так что не обижайся!»

А если серьёзно, то иногда бывает, что упираться в какую-то проблему в отношениях (или в собственный характер, или просто в сложную задачу) — и никак. А посмотришь через призму соционики — и поймёшь, что ты бьёшься в дверь проблемы с ключом от другого замка. И попытаешься подобрать ключи, и получится. Самое важное, что может дать соционика — она ответит на некоторые вопросы о себе и твоих взаимоотношениях с окружающими: почему они именно такие. Но, повторюсь, соционика — лишь игра, и жить по соционике — создавать новую утопию, а утопия — это истерика возможности идеального.

— Какую роль в воспитании ребёнка играют книги?

— Сколько себя помню — всегда занимался с детьми. Сначала помощником пионервожатого (была такая должность!), потом вожатым в пионерлагере. Попал ещё ребёнком в коммунарский отряд. Вернулся из армии, коммунарское движение претерпевало свой кризис, создали с другом скаутский отряд. И на протяжении более чем 20 лет я считал, что книги делают человека, мол: «Скажи мне, что ты читал в детстве, и я скажу тебе, кто ты». Пока один весьма талантливый и умный педагог не сказал мне: «Я очень жалею, что в детстве вместо того, чтобы шататься по стройкам, я читал книги».

Теперь я отвечаю по-другому: книги формируют язык и речь ребёнка, которые во многом формируют мышление. Книги — это всё-таки во многом виртуальная реальность. Гораздо важнее книг творчество как созидание: занятия музыкой, живописью, танцем, рукоделием, стихосложением (естественно, при серьёзном и качественном подходе). Творчество первичней, на мой взгляд. Если коротко — книги формируют речь ребёнка, а через неё и мышление. К тому же прочтение книги — это усилие.

— Какие темы в детской литературе надо обходить, а какие, наоборот, желательны для ребёнка?

— В детской литературе надо обходить темы насилия, педофилии, детобожия. Основное внимание должно быть на героике. В современной детской литературе этого очень мало. А также желательно, чтобы в книгах было побольше приключений, сказки и доброго абсурда Кэрролла, Лира, Хармса.

— Я думаю, на этом можно заканчивать. Последний вопрос: что Вы хотели бы пожелать или сказать всем пользователям Лайвлиб?

— Пользователям Лайвлиб пожелаю побольше «тех самых» книг — книг, написанных именно для них. И много танцев на три четверти — они учат мыслить творчески.

Ко дню снятия блокады Ленинграда

Блокада Ленинграда 1941-1944 гг. - событие беспрецедентное в военной истории планеты Земля. В течение девятиста дней действия, направленные на тотальное истребление, велись не по отношению к армии противника, а по отношению к мирному населению: старикам, женщинам, детям. Регулярным артиллерийским обстрелам, мукам голода и холода подвергались обычные жители обычного города, полностью отрезанные от остального мира. Последствия блокады, биологические, социальные и духовные, продолжают сказываться и сейчас, через три-четыре поколения. К годовщине снятия блокады Ленинграда duduki предлагает вниманию читателей ЛайвЛиб эту коллективную подборку.

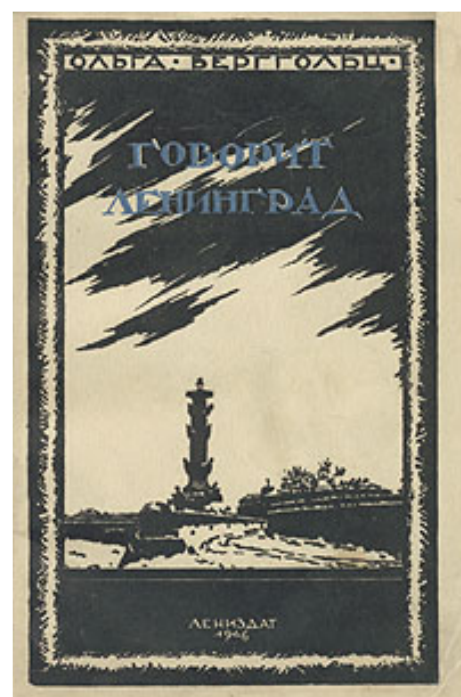
Над подборкой работала Countymayo

*...Сидят на корточках и дремлют
под арками домов чужих.
Разрываю бомб почти не внемлют,
не слышат, как земля дрожит.
Ни дум, ни жалоб, ни желаний...
Одно стремление – уснуть,
к чужому городскому камню
щекой горящею прильнуть...*

Эти стихи написала и прочла по Ленинградскому радио Ольга Фёдоровна Берггольц в 1941 году. После войны, уже в 1946 году, вышел её сборник «Говорит Ленинград», в 1959 году - книга прозаических воспоминаний о блокаде «Дневные звёзды», вернее, только первая часть её. В условиях цензуры не вся правда о блокаде подлежала обнародованию:

«И вдруг вошла молодая женщина. Она была гладкая, белая, поблескивающая золотыми волосками. Кожа ее светилась, гладкая и блестящая... Округлый живот, упругие овальные линии, плечи без единой косточки, пушистые волосы, а главное – этот жемчужно-молочный, кустодиевский цвет кожи – нестерпимый на фоне коричневых, синих и пятнистых тел. О, как она была страшна – страшна своей нормальной, пышущей здоровьем, вечной женской плотью. Как это могло сохраниться?.. Да как она

*смела – такая – войти сюда, в это страшное помещение, где были выставлены самые чудовищные унижения и ужасы войны, – как она осмелилась, сволочь, оскорбить все это своим прекрасным, здоровым телом?
Женщины, ошалелые от этого кощунства, шептали за ее спиной:
– Здоровая! Румяная! Толстая!
К ней несло тихое шипение отвращения, презрения, негодования, чуть не каждая женщина, взглянув на нее, шептала:
-Б..., б..., б...*

Не должно ее было быть здесь.

– Спала с каким-нибудь заведующим столовой, а он воровал,— говорили женщины. – Наверное, сама воровала, крада. Детей, нас обворовывала. И страшная костлявая женщина, подойдя к ней, легонько хлопнула по ее заду и сказала шутя:

– Эй, красотка, не ходи сюда – съедим.

Раздался короткий тихий смех:

– Как раз. У нас недолго...

Ее сторонились, ею брезговали, здоровой и цветущей, больные и тощие, бессильные люди, брезговали ею как заразной больной, как прокаженной, не желая прикасаться к атласной ее, светящейся коже...

Она вскрикнула, зарыдала, бросила таз и выбежала из помещения.

Гораздо большее государственное признание снискала поэма Веры Инбер «Пулковский меридиан», получившая Сталинскую премию. Величественные стихи о героических защитниках города, а также (это неминуемо) о руководящей роли партии и лично товарища Сталина более отвечали духу времени. Но время всё расставило по своим местам. Любой с ходу узнает «сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам», не ведая даже автора, тогда как «Пулковский меридиан» отошёл в историю литературы.

Интересно, что одним из первых в художественной литературе блокадную тему поднял Вениамин Каверин, осторожный, не любящий лезть на рожон писатель. «Два капитана», изданные впервые в 1950 году, содержали столько правды о блокаде, сколько могла вынести книга для юношества:

«*За шестьсот граммов хлеба грустный еврей, читавший над Бертой молитвы, согласился прийти на православное кладбище, чтобы проводить свою «клиентку», как он сказал, согласно обряду.*

Я плохо помню эти проводы, продолжавшиеся весь день – от самого раннего утра до сумерек, подступивших по декабрьскому рано... Вот мы идем, не чувствуя ничего, кроме холода, усталости и нелюбви к окостеневшему трупу. Мальчики тащат Берту по очереди, в гору вдвоем, а на скатах она поспешно съезжает сама, точно торопясь поскорее освободить нас от этих скучных забот, которые она неволью нам причинила.

Как ни странно, в детской и юношеской советской литературе тема «900 дней» разрабатывалась шире и вольней, чем во взрослой. Это и «Обыкновенные девчонки» Е. Ильиной (Лии Маршак, сестры С.Я. Маршака), и шпионский детектив Германа Матвеева «Тарантул» (1957), и «Три девочки» Елены Верейской, в полном объёме изданные только в 2002 году, и незабываемая повесть «Сестра печали» В. Шефнера (1965-1968).

А читателю старшего поколения оставалась эпопея Ал. Чаковского «Блокада», которую начинала я читать, но не одолела. Трудно представить себе опус более конъюнктурный, как бы написанный под девизом «и нашим, и вашим, и споём и спляшем».

«*– Вы помните, товарищи, – с волнением продолжал Жданов, – как принято было говорить в мирное время, если отмечалась какая-нибудь большая трудовая победа? Тогда говорилось; «В эти дни наш народ обращает свои взоры к партии коммунистов, к нашей большевистской партии...» Однако народ смотрит на нас, коммунистов, не только в дни радости, но и в дни испытаний. Да, мы не*

смогли, не сумели избавить ленинградцев от страшных бедствий. Ни в прошлом году, ни нынешней осенью. Не сомневаюсь, народ понял правильно: не потому мы не сделали этого, что мало работали и плохо воевали.

Истинная причина в том, что немцы были сильнее нас, у них было больше солдат, больше танков, артиллерии, самолетов. Теперь положение меняется в нашу пользу. И нам не простят, если мы не сумеем воспользоваться нашими преимуществами. Партия ждет от вас не только личной храбрости, но и умелого командования.

Три увесистых тома почти без исключений написаны в таком роде. И, тем не менее, «Блокада» Чаковского, впервые вышедшая в 1969-ом, вручения Ленинской премии ждала девять лет. Настолько провокационной, обнажающей самые страшные язвы, казалась сама тематика произведения. Основная часть советской литературы о блокаде – это военная мемуаристика. Особенно обильной на неё выдался 1970 год: к двадцатипятилетию Великой Победы издали и сборник биографий Героев Советского Союза «Твои герои, Ленинград», и «Ленинградскую зиму» Василия Ардаматского, и воспоминания командира авиации Ленинградского фронта маршала А.А. Новикова «В небе Ленинграда», и «Пароль - Балтика» командира минно-торпедного полка М. Львова. Эти книги содержат в себе весомую полезную информацию, но страдают двумя недостатками. Во-первых, это взгляды «с фронта», где было зачастую безопаснее, чем в голодном городе. Во-вторых, по страницам военных мемуаров мощно прошлась цензура, как армейская, так и «в штатском». Рассказывали, что ленинградский историк Борис Бычевский, автор популярной работы «Город-фронт» (1973), рассказывал, что едва ли четверть собранного им материала нашли годной к публикации. Но неверным будет игнорировать всё созданное в «цензурный» период, тем более что биографическая справка об авторе бывает так же невероятнее самого сочинения. Иосиф Иосифович Пилюшин был снайпером Ленинградского фронта с 1941 года по 1944. На его боевом счету свыше ста солдат и офицеров фашистской

армии. После ранения в правый глаз освоил стрельбу с левого плеча и продолжил стрелковую службу. После войны И.И. работал инженером на заводе, а когда неотвратимо стал слепнуть, диктовал воспоминания, отмеченные несомненным литературным талантом.

Многие школьники 80-х годов вспомнят рассказы Н. Ходзы «Дорога Жизни», предназначенные для 5-9-летних детей. Там привиделись и листки из дневника Тани Савичевой, которые, однажды увидев, забыть невозможно.

Итак, лётчики – «Под крылом – Ленинград» И. Г. Иноземцева. Моряки – «На тральных галсах» Ф.В. Мудрака. Организаторы эвакуации – «Ленинград и Большая Земля» В.М. Ковальчука, воспоминания «Для тебя, Ленинград!» В.С. Черокова. Историки – «Блокада день за днём» А.В. Булова. Не хватает лишь голоса фронтовиков поневоле, мирных ленинградцев. И он прозвучал.

Настоящая охота развернулась за первым изданием «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. Это собрание свидетельств самых обычных горожан, чьих-то родителей, бабушек и дедушек, переживших военное преступление, не имеющее аналогов. Небольшой белый томик передавали из рук в руки, перечитывали, изучали. Помню, в автобусе мужчина плакал, не таясь, над «Блокадной книгой».

На Гранина и Адамовича посыпались нежелательные знаки внимания властей. Вот как оценил их труд Григорий Романов, тогдашний председатель Ленгорисполкома:

«Плохо отношусь к Д. Гранину, точнее к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это всё неправильно, необъективно. Что бы он ни говорил, его мысли склоняются к тому, что «город надо было сдать», а это вообще неправильная постановка вопроса. Если бы мы его сдали, от него бы ничего не осталось, жертвы были бы страшнее блокадных... Руководители страны, включая Жданова, делали всё, чтобы спасти Ленинград...»

Бабушка моя прочла «Блокадную книгу», пожалала плечами: «Десятая доля [правды]. Даже двадцатая».

Я, к стыду своему, не могу дочитать до сих пор. Нервы сдают.

Смелость Адамовича и Гранина дала дорогу откровенным воспоминаниям блокадников

о блокаде. 1985 год, сороковая годовщина Победы, дал несколько вполне официальных изданий: заведомо неполный, «краткий» исторический очерк «Непокорённый Ленинград», сборник иностранных писателей-противников холодной войны «Это не должно повториться!», «Ленинград в блокаде» Д.В. Павлова. Но основной читательский интерес был прикован уже к непосредственным свидетельствам трагических ленинградских событий. И документальные свидетельства о работе Ленинградского радио «Я говорю с тобой из Ленинграда» (1987), и автобиографии «солдат города-фронта» Александра Крестинского («Мальчики из блокады», 1983) и Юрия Помозова («Блокадная юность», 1989) сейчас трудно найти даже у букинистов – тираж разбирался моментально.

Замечу, что детская литература снова оказалась впереди взрослой. Писатель-блокадник Радий Погодин в 1990 году выступил с рассказом о своём детстве, озаглавленном «Я догоню вас на небесах». Безуспешно ищу повесть Ильи Миксона «Жила, была», – трагедию для старшего школьного возраста, изданную в 1991 году. Даже официальный детский сатирик Вольф Суслов в 1994 году выступил с «Пятьюдесятью рассказами о блокаде», основанными на собственном выстраданном опыте, и это лучшее его произведение. О месте блокады в своей биографии заговорили знаменитые, прославленные люди, лицо нашей страны. Так, большой известностью пользовалась «Осадная записка» Александра Болдырева, сотрудника Эрмитажа, отвечавшего за сохранность бесценных коллекций.

Вспоминает Галина Вишневская («Галина. История жизни», 1992 год):

«Бабушка сгорела у меня на глазах в квартире [обожглась от печи-буржуйки]. Меня спасло желание жить и мечта. Я лежала, умирала с голоду и видела, как пою – в бархатном черном плаще и в большой шляпе. Если бы мечтала о куске хлеба, то уж точно умерла бы.»

Вспоминает Дмитрий Лихачёв («Как мы остались живы», 2005 год):

«Как я вспоминал потом эти недели, когда мы делали свои запасы! Зимой, лежа в постели и мучимый страшным внутренним

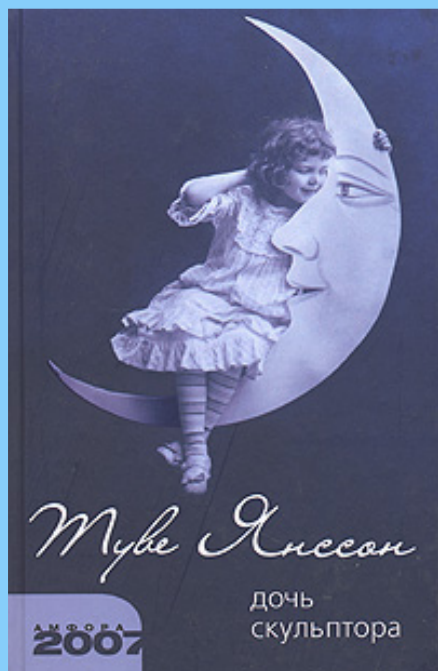
раздражением, я до головной боли думал все одно и то же: ведь вот, на полках магазинов еще были рыбные консервы – почему я не купил их! Почему я купил в апреле только 11 бутылок рыбьего жира и постеснялся зайти в аптеку в пятый раз, чтобы взять еще три! Почему я не купил еще несколько плиток глюкозы с витамином С! Эти «почему» были страшно мучительны. Я думал о каждой недоеденной тарелке супа, о каждой выброшенной корке хлеба или о картофельной шелухе с таким раскаянием, с таким отчаянием, точно я был убийцей своих детей.»

Вспоминает Аркадий Стругацкий (А. Скаландис, «Братья Стругацкие», 2009):

«В Ленинграде... был холод, жуткий, свирепый, и замерзающие кричали в обледенелых подъездах – всё тише и тише, долго, по многу часов... Он засыпал, слушая, как кто-то кричит, просыпался всё под этот же безнадежный крик, и нельзя сказать, что это было страшно, скорее тошно, и когда утром, закутанный до глаз, он спускался за водой по лестнице, залитой замерзшим дерьмом, держа за руку мать, которая волочила санки с привязанным ведром, этот, который кричал, лежал внизу возле клетки лифта, наверное, там же, где упал вчера, наверняка там же – сам он встать не мог, ползти тоже, а выйти к нему так никто и не вышел...»

Но закончить первую часть обзора «блокадной подборки» хотелось бы строками Ольги Берггольц из стихотворения «Ленинградский салют»:

А та зима... Ту зиму каждый запечатлел в душе навек – тот голод, тьму, ту злую жажду на берегах застывших рек. Кто жертв не предал дорогих земле голодной ленинградской – без бранных почестей, нагих, в одной большой траншее братской?! Но, позабыв, что значит плач, твердили мы сквозь смерть и муку: – Ты проиграл войну, палач, едва занес на Город руку.

Дочь скульптора Туве Янссон

Whatever о книге, которая
если не вернет вас в детство,
то хотя бы заставит вспомнить о нем.

Детская бессонница.

Та редкая «детская проза», в которой воспоминание о ювенилии мыслится в настоящем времени, более того - мыслится единственной и целой жизнью, отрезанной от прочего никогда не озвучиваемым, но осязаемым моментом смерти зачеркнуть взросления – это всегда и во всём правда, отторгающая всякую выдумку. И, тем не менее, это никогда не мемуары, но художественное произведение. Детский мир сам по себе настолько художественен и артистичен, что заниматься писательством, то есть хорошо балансирующей между типом и индивидуальностью ложью, излишне. И всё равно, что это было за детство: болезненное и мрачное санаевское, утонченное, обьевшееся сенсорикой набоковское или самое обыкновенное толстовское. Главное, что автор догадался, что, покинув его, он благословен вновь и вновь возрождать его в памяти, как свою прошлую, прожитую в другом, погибшем мире, жизнь. Так и воспринимается волшебное девичество Туве Янссон.

«Дочь скульптора» - небольшая коллекция воспоминаний, формально регистрируемых как некогда бывшее, но переживаемых прямо здесь и сейчас детским зрением и разумом, будто запечатленное в памяти чувство, возродившееся со всей силой на сеансе гипноза.

В силу небольшого объёма, «Дочь...» всегда сопровождают парочка-троечка «взрослых» повестей Янссон, по-своему замечательных, но совершенно несравнимых с миром детства,

отделенным пропастью, чуждым параллелей, дивным, дивным, дивным.

По отдельности зарисовки о религиозном трепете, о мучительной любви к отцу и к незнакомому мужчине-геологу, о катке, напоминающем холодный электрический ад, о семейных праздниках и игре, запрещающей ходить по темным узорам ковра – это целые, очерченные и серьёзные произведения гениально активного сознания (иногда дико смешные тоже, но всё равно без сюсюкания). Вместе же они вовсе не выстраиваются в правильную и логичную историю эволюции из зародыша в девушку, и это прекрасно. Потому что у детства нет градации, и его метаморфозы беспорядочны, как смена пейзажей за окном поезда.

Вся повесть напоминает ту давно ушедшую, но не забытую пьяную тьму, когда не можется спать, и прошедший день со всеми чувствами и бурлением режет глаза, с нетерпением никак не наступающего завтра, с бесстыдно серьёзными монстрами, запахом темного леса, обостренным слухом и ревностью к жизни.

Не в моих правилах обобщать до рекомендации, но всё же от всей души советую эту книгу читать, иметь дома, возвращаться к ней и завещать детям. Не как детскую книжку (хотя и это небесмысленно), а как уже способ вернуться туда, где мы все так или иначе остались и кончились. В ледяную сверкающую долину настоящего гнева, веры, воли, характера и привязанностей. В мир идеального существа – в мир скандинавской неполноразвитой девочки.

Из Африки Карен Бликсен

Оriana о книге, наполненной романтикой африканских степей

Всё началось с фильма, который меня очаровал. Поэтому книга была куплена немедленно, как только попала в поле моего зрения. Как оказалось, это автобиографическая книга датской баронессы Карен Бликсен. Это дневник, заметки, размышления. О насущных проблемах, о людях, которые встретились, о поразивших событиях, об обычаях африканцев, просто о красоте своей фермы. Её манера изложения, быть может, лишена излишней эмоциональности, но вместе с тем удивительно светла.

«И всё же человеческая душа обладает огромными ресурсами самовосстановления. К середине ночи я вспомнила Старого Кнудсена и подумала, что сорок тонн — это, конечно, ужасно, однако нет худшего порока, чем пессимизм.

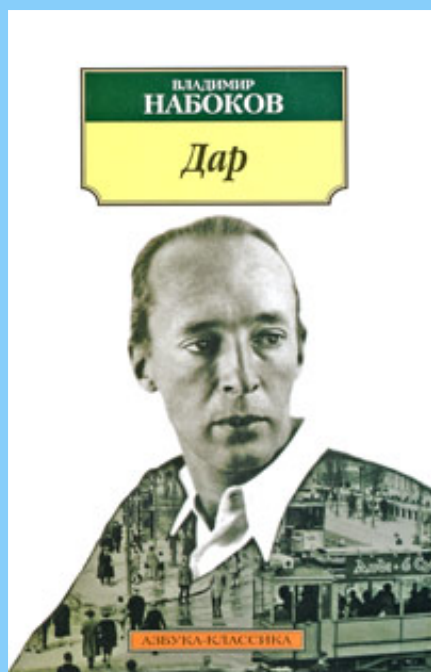
Полагаю, что живые львы на могиле Дениса — подходящий монумент в его память, в чисто африканском духе... Даже львы в честь лорда Нельсона на Трафальгарской площади — всего лишь каменные изваяния.

Африка, нагорье Нгонг, Денис Финч-Хаттон — им было отдано сердце этой женщины. И часть его навсегда осталась в Африке. Она

написала это о Денисе, но мне кажется, она сказала и о себе тоже:

«Денис прошёл всеми тропами африканских нагорий и лучше любого другого белого знал здешние почвы, смену времён года, растительность, диких зверей, ветры и запахи. Он наблюдал здесь все перемены погоды, людей, облака, звёзды в ночи. Здесь, на высоте, я совсем недавно наблюдала за ним, когда он стоял с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно рассматривая в бинокль лежащие внизу земли. Он вобрал эту страну в себя, и в его глазах, в его душе она получила особое преломление, отмеченное его индивидуальностью, стала неотъемлемой его частью.»

Наверное, для меня Африка и Карен теперь неразделимы. Африка стала чем-то большим, чем географическим названием, после прочтения этой книги, хотя всё такой же далёкой и призрачной. А кроме того, это история необыкновенной женщины, и она тем более ценна для меня, потому что всё в ней — не литературный вымысел, но настоящая человеческая жизнь. И я, признаться, очарована ею ничуть не меньше, чем Африкой.

Дар

Владимир Набоков

Rvanaya tucha o том, как надо обращаться с набоковскими текстами.

Это ужасно. Кошмарно, просто невысказано. Как-то невозможно ощущать, что чтение окончено (язык не поворачивается сказать «книга окончена»), должны быть окольные пути, может быть, лента Мёбиуса, но непременно требуется новая глава, новые сочетания слов. Набоков совершенно не различает первое, третье лицо, повествование, письмо матери, роман в романе, разговор с Зиной или вымышленный диалог с Кончеевым, или сон, или иное возможное будущее. Текст один, единый и единственный, он тянется, мнётся на языке читающего, и этим слабо отличим от текста жизненного, от полотна обыденности, где так же неразличимы явь, видения, прочитанные и просмотренные миры, косвенная речь, цитаты, реминисценции и ложное, податливым сознанием подведённое под истинное. Поэтому как может это закончиться.

«Дар» — тяжёлый дым. Первые семьдесят страниц ненавидишь, читаешь их просто из принципа, или уж если надо. Потом начинаются вялые мыкаться слепого сюжета — туда, сюда, по чуть-чуть, по имечку, про местечку, и перед тобой толчками распускается текст. Вторую главу ты вдруг проглатываешь (даже не смакуя, потому что так неожиданно, потому что сам как-то и не понял), вот третья такая же, но тут позволишь себе насладиться, вчитываясь в игольчатые диалоги и кропотливые материалы к четвёртой главе. А там внезапно натыкаешься на булыжище на тропинке, на

китайскую стену практически, на этот роман в романе, на жизнь в жизни, которая вроде как вложенная, — приросла, и уже не оторвать, но вот смотришь в эти слова и думаешь: Боже, зачем это? Может, пропустить? Дочитать потом? Оставить на будущее? Тесно и сухо в этой четвёртой главе, но ты всё же (по правде говоря, и не без щекочущего читательского любопытства) добираешься до заключительных восьми стихов. Последняя часть, кажется, самая — самая всё: самая счастливая, чистая, короткая и летне-жаркая. Через неё проскальзываешь, как Годунов, холодным телом извиваясь между людей и вещей, и остаёшься в ночном Берлине, где подобие белых ночей: воздух был прозрачно-сер, и мыльным маревом плыли туманные дома, остаёшься весь мятый и тёплый, в ночных туфлях, в старейшем мятом костюме, запятнанном спереди, с недостающей на гультфике пуговкой, мешками на коленях. И кажется, что эта ночь — она никогда не закончится:

судьба сама ещё звенит, — и для ума внимательного нет границы, — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка.

Как можно работать с набоковским текстом? Для меня очевидно, что будет не хватать винтиков, будет не хватать сил, всеохватности, дара, в конце концов. Набоковеды, поглощённые (в прямом смысле слова)

материалом, начинают разворачивать собственные тексты, незаметно для себя чертят собственные шахматные поля, рисуют задачи, перебирают решения, играют словами, мешая их на клетках: что получится, если так? О, а ведь есть ещё ход конём, ну-ка? Это искусство, в котором наука растворяется ввиду специфики материала.

Как можно читать набоковские тексты, и, закрывая книгу, складывать её обратно рядом с кроватью, в комодик, на полку?

Кошунственно тупо пялиться на игру слов и порождаемых смыслов, посмеиваясь про себя, а в качестве платы предлагая место темы в завтрашнем разговоре с друзьями и случайную лоскутную цитацию. Хочется сказать, что набоковские слова нужно холить, лелеять и гладить по шёрстке, но ведь, в сущности, это и недалеко от истины.

ЦИТАТНИК

«Гений - это негр, который во сне видит снег».

«Бывает, что в течение долгого времени тебе обещается большая удача, в которую с самого начала не веришь, так она не похожа на прочие подношения судьбы, а если порой и думаешь о ней, то как бы со снисхождением к фантазии, - но когда наконец, в очень будничном дне с западным ветром, приходит известие, просто, мгновенно и окончательно уничтожающее всякую надежду на нее, то вдруг с удивлением понимаешь, что, хоть и не верил, а все это время жил ею, не сознавая постоянного, домашнего присутствия мечты, давно ставшей упитанной и самостоятельной, так что теперь никак не вытолкнешь ее из жизни, не сделав в жизни дыры».

«Странное стеснение, желание сказать важное, молчание, рассеянные, незначительные слова. Любовь, скажем просто, повторяет перед последней разлукой музыкальную тему робости, предшествовавшую первому признанию».

«Я все-таки знал вдохновение. Волнение, которое меня охватывало, быстро окидывало ледяным плащом, сжимало мне суставы и дергало за пальцы, лунатическое блуждание мысли, неизвестно как находившей среди тысячи дверей дверь в шумный по-ночному сад, вздувание и сокращение души, то достигавшей размеров звездного неба, то уменьшавшейся до капельки ртути, какое-то раскрывание каких-то внутренних объятий, классический трепет, бормотание, слезы, - все это было настоящее».

«Религия имеет такое же отношение к загробному состоянию человека, какое имеет математика к его состоянию земному: и то и другое только условия игры. Вера в Бога и вера в цифру: местная истина, истина места. Я знаю, что смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево ли холм. Выйти как-нибудь нужно, «но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру, да то, что сделали столяр и плотник»

«Странное стеснение, желание сказать важное, молчание, рассеянные, незначительные слова. Любовь, скажем просто, повторяет перед последней разлукой музыкальную тему робости, предшествовавшую первому признанию».

Хазарский словарь

Милорад Павич

Kunsevíc об одном из самых нестандартных и противоречивых романов XX века.

Тридцатого ноября 2009 года из жизни ушёл величайший прозаик современности, яркий представитель постмодернизма и магического реализма, выдающийся специалист по барокко и поэзии символизма, сербский писатель Милорад Павич. Поэт, преподаватель (в том числе и в легендарной Сорбонне), литературовед, выдающийся специалист по сербской истории, переводчик, наставник Савы Дам-нова, критик, номинант на Нобелевскую премию по литературе — 2004, уступивший её Эльфриде Елинек — регалии можно перечислять долго, но незачем. Начну с того, что роман-лексикон «Хазарский словарь» принес Павичу всемирную известность, став бестселлером во многих странах мира; это одно из самых необычных и противоречивых литературных произведений нашего времени.

Существуют две версии «Хазарского словаря»: мужская и женская. Разница между ними — один абзац, поэтому на впечатление от прочтения различия особого влияния не окажут, но и смысла своего не теряют: мужчинам — мужскую версию, женщинам — женскую. К теме полов Павич вернётся ещё не раз, фактически в каждом последующем своём произведении он так или иначе будет касаться её, проливать свет, чуть-чуть раскрывать. Извечная тема «мужское-женское» играет старыми и новыми красками удивительной общности, исконной красоты, искренней

любви и взаимодополнения; а версии «Хазарского словаря» — это как обручальные кольца: мужчинам — мужское, женщинам — женское.

Будучи ярким представителем литературы постмодернизма, «Хазарский словарь» начисто лишен сюжетной линии в привычном понимании классической модели повествования. Роман исполнен в виде трёх независимых зарисовок о центральной теме произведения — выборе древними хазарами своей религии: красная книга — христианство, зелёная — ислам, жёлтая — иудаизм. Читать в любом порядке — в лучших традициях постмодернизма читатель сам принимает участие в создании произведения, сам связывает гипертекст узелками связей, «сам, всё сам»...

Роман-мистификация, и, несмотря на историческую подоплеку, детали которой скрыты за давностью веков, Павич описывает историю своей фантазией писателя. Вымышленные персонажи, подающиеся как исторические, вымышленные события, подающиеся как исторические, вымышленные культура, быт, традиции хазар, подающиеся как исторические — в «Хазарском словаре» автор не пытается водить читателя за нос, а описывает, как оно могло быть.

Уникальный, ни с чем не сравнимый стиль Павича даёт о себе знать сразу: удивительная лёгкость восприятия весьма тяжёлой формы языка, поразительная лёгкость и поэтичность

форм, блестящие метафоры и красочные эпитеты — всё это о нём и о «Хазарском словаре». Тот случай, когда ту или иную фразу, какое-то описание хочется смаковать на языке долго; тот случай, когда к прочитанным каскадам текста возвращается и смотришь на них по-новому; тот случай, когда книга опускается, а задумчивый взгляд направляется в потолок. Изящная словесность в одном из лучших её проявлений, задорно смешанная с изучением как окружающего мира, так и человеческого существа. Очаровательное графоманство о высоких и низких материях, чувствах, историях — обо всём.

Часто заходят разговоры по поводу экранизаций произведений Павича, даже больше — в настоящее время их существует ровно две: «Византийская синева» Драгана Маринковича и «Красная королева» Мирослава Меджимуреца; обе далеко не самые удачные. Когда с вопросом о фильмах по произведениям писателя обратились к выдающемуся сербскому режиссеру Эмиру Кустурице, он дал абсолютно верный ответ: экранизировать Павича невозможно.

Отрывок из романа

ЛОВЦЫ СНОВ - секта хазарских священнослужителей, покровителем которых была принцесса Атех и. Они умели читать чужие сны, жить в них как в собственном доме и, проносясь сквозь них, отлавливать в них ту добычу, которая им заказана, - человека, вещь или животное. Сохранились записки одного из самых старых ловцов снов, в которых говорится: «Во сне мы чувствуем себя как рыба в воде. Время от времени мы выныриваем из сна, окидываем взглядом собравшихся на берегу и опять погружаемся, торопливо и жадно, потому что нам хорошо только на глубине. Во время этих коротких появлений на поверхности мы замечаем на суше странное создание, более вялое, чем мы, привыкшее к другому, чем у нас, способу дыхания и связанное с сушей всей своей тяжестью, но при этом лишенное сласти, в которой мы живем как в собственном теле. Потому что здесь, внизу, сласть и тело неразлучны, они суть одно целое. Это создание там, наверху, тоже мы, но это мы спустился миллион лет, и между нами и ним лежат не только годы, но и страшная катастрофа, которая обрушилась на того, наверху, после того как он

отделил тело от сласти...»

Одного из самых известных толкователей снов, как говорит предание, звали Мокадаса аль Сафер Z. Он сумел глубже всех приблизиться к проникновению в тайну, умел укрощать рыб в чужих снах, открывать в них двери, заныривать в сны глубже всех других, до самого Бога, потому что на дне каждого сна лежит Бог. А потом с ним случилось что-то такое, что он больше никогда не смог читать сны. Долго думал он, что достиг совершенства и что дальше в этом мистическом искусстве продвинуться нельзя. Тому, кто приходит к концу пути, путь больше не нужен, поэтому он ему и не дается. Но те, кто его окружал, думали иначе. Они однажды рассказали об этом принцессе Атех, и она объяснила им, что случилось с Мокадасой аль Сафером:

- Один раз в месяц, в праздник соли, в пригородах всех наших столиц приверженцы хазарского кагана бьются не на жизнь, а на смерть с вами, кто меня поддерживает и кого я опекаю. Как только падает мрак, в тот час, когда погибших за кагана хоронят на еврейских, арабских или греческих кладбищах, а отдавших жизнь за меня погребают в хазарских захоронениях, каган тихо открывает медную дверь моей спальни, в руке он держит свечу, пламя которой благоухает и дрожит от его страсти. Я не смотрю на него в этот миг, потому что он похож на всех остальных любовников в мире, которых счастье будто ударило по лицу. Мы проводим ночь вместе, но на заре, перед его уходом, я рассматриваю его лицо, когда он стоит перед отполированной медью моей двери, и читаю в его усталости, каковы его намерения, откуда он идет и кто он таков. Так же и с вашим ловцом снов. Нет сомнений, что он достиг одной из вершин своего искусства, что он молился в храмах чужих снов и что его бесчисленное число раз убивали в сознании видящих сны. Он все это делал с таким успехом, что ему начала покоряться прекраснейшая из существующих материй - материя сна. Но даже если он не сделал ни одной ошибки, поднимаясь наверх, к Богу, за что ему и было позволено видеть Его на дне читаемого сна, он, конечно же, сделал ошибку на обратном пути, спускаясь в этот мир с той высоты, на которую вознесся. И за эту ошибку он заплатил. Будьте внимательны при возвращении - закончила принцесса Атех. - Плохой спуск может свести на нет счастливое восхождение.

Девушка с татуировкой дракона Стиг Ларссон

Скандинавский бестселлер в оригинале называется «Мужчины, которые ненавидели женщин». Neznat считает, что оригинальное название вернее

Эта расхваленная книга выглядела очень заманчиво. Скандинавский детектив, 600 с лишним страниц — я уже приготовилась отлично провести время. Но, увы, книга меня разочаровала. Причем последовательно. Вот автор делает заявку на семейную сагу. Герой часами выслушивает старика-собеседника, исписывает страницы, собирает тома хроники. Но как же всё-таки жило почтенное семейство, мы так и не узнаем. Нам говорят, что в этом роду было полно злодеев. Но почему? Отчего они стали такими? Почему никто до нашего героя не выводил их на чистую воду? Об этом ни слова.

Вот автор намекает нам на хитроумные экономические махинации. Мы знаем, что его герой — журналист — никогда не идёт на поводу у капитала, он всем и про всех рассказывает правду. И что же мы узнаём от него (и от автора) о злодее-буржуине? Снова по нулям. Мы даже не знаем, как он выглядит, сколько ему лет, как он дошёл до жизни такой. Только перечень его преступлений да краткий финал.

В итоге возникает ощущение, что книга написана о чём-то другом. Если обратиться к оригинальному названию («Мужчины, которые ненавидели женщин»), получается, что она о насильниках и маньяках. И правда, перед нами проходит целый парад. Садист-опекун, семейка убийц, упомянутый экономист. Но и эта тема не раскрыта!

К финалу мне уже казалось, что Ларссон сам аутичен, почти как его героиня. Ему совершенно не интересны и не понятны отношения между людьми, и оживает он, только когда описывает технические подробности. Какой провод куда подключили, какой программой файл вскрыли, к чему женщину приковали и что куда засунули. И так весь том. Многообещающие завязки, множество подробностей, упоённое любование невероятным умом, нестандартной красотой и почти что полной бесчувственностью главной героини, затем, внезапно, все всё раскрыли, ура, мерзавцам конец. Можно сказать, что это сплошная криминалистика при полном отсутствии криминологии. Но даже в рассказах о Шерлоке Холмсе больше жизни.

Отдельно отмечу, что маньяк-алкоголик с эстетскими заворотами — это очень неправдоподобно. Алкоголики не склонны к многоходовкам. Ну, и крутые хакеры, которые просто берут да и вскрывают какую-нибудь базу или компьютер, не сталкиваясь ни с какими проблемами, это ведь те же божки из коробки.

Контурные карты для взрослых

icelips о тайных маршрутах счастья

Эта книга – сборник рассказов разных авторов о разных странах. Немного об их традициях, о людях, о еде. Ведь у каждого есть свой город, свой, тайный маршрут счастья:

«Счастлив я был только-только приехав в Москву. Когда шел по солнечной позднемаяской набережной в шесть утра, щуря пьяный от солнца глаз, держа кого-то за руку – уже не помню кого. И когда мне хочется почувствовать счастье – мне всего лишь надо хмельным ранним утром проехать тот же маршрут – мимо старой мечети, мимо того дерева, на северо-запад, обгоняя солнце.»

Каждый город запоминается чем-то своим и отпечатывается в памяти – какой-то историей, набором ощущений, запахов, вкуса.

Навсегда. Каждый рассказ – со своей, особенной атмосферой. Читаешь – и как будто видишь все своими глазами.

Стамбул Эльчин Сафарли «Угол её красного дома»

Этот дневник девушки, потерявшей любимого человека, местами практически бессвязный, местами слишком пафосный, почему-то не раздражал меня. Читаешь, а перед глазами стоит шумный Стамбул с его запахами, шумом, улочками; потом утро и Босфорский пролив, освещённый мягким солнцем. И старый дом с мандариновым садом у самого моря.

«Ведь не зря говорят, что у каждого человека в жизни должен быть свой угол. И только здесь, в стамбульской башне, спустя двадцать лет, я

осознала, что свой угол можно обрести, даже если вся твоя жизнь – бесконечный вираж круглых стен. Мы в силах создавать свои углы сами.»

Чечня Алмат Малатов «Жестокое солнце»

Страшно как-то. Вроде ничего необычного и особенно жестокого, но именно от этого-то и мурашки по коже. Те, кто там живёт, смотрят на жизнь через призму войны. Для них это уже обыденность:

«– Несколько дней не могли выйти, но жить надо, есть надо. Вышла, села

картошку чистить, пусть стреляет. Вот тут была моя голова, а вот тут... – старая чеченка показывает на пулевое отверстие в десяти сантиметрах выше.

- Страшно было?

- Привыкли, сынок. Некогда было бояться – сначала выживали, потом с мародёрами боролись – и с нашими, и с русскими. А теперь опять начали дом достраивать. Было бы здоровье, да руки – достроим.»

Япония Китя Карлсон «Три части суши»

Три мини-рассказа о Японии. Очень забавно и познавательно. Я, например, никогда не знала, что у них принято дарить еду и что, например, мясо - довольно дорогой и приличный подарок.

« Я, конечно, был крайне польщён, получив кусочек говядины мацусака в подарок. К куску мяса прилагался сертификат, подтверждающий

подлинность данного ценного продукта. На листочке бумаги были напечатаны: номер регистрации коровы и имя инспектора, имя коровы и её родословное древо до прапрадедушки, вес её самой и каждого из её сородичей, день её рождения и отпечаток её носа. К концу чтения я почувствовал, что знаю эту корову уже как родную. Да что там родную, я свою родословную знаю хуже. На глаза мои навернулись слёзы. Попробовать хоть кусочек её мяса после этого я так и не смог себя заставить. »

Африка

Ника Муратова «Эсса»

Дружба белой женщины и местного подростка Эсса, и что из этого получилось. Неприятный осадок оставил рассказ, грустно как-то. Какие всё-таки люди разные. И какой разный менталитет. И как понять друг друга?

« Не уверена, что смогу продолжать верить в возможность того, что когда-либо все народы смогут понять друг друга, что есть ещё возможность всех примирить и понять. Всем помочь. Нет, это невозможно. Поэтому есть они и есть мы. Нам предстоит жить и

прощать, в том числе самих себя. Предстоит учиться любить, в том числе самих себя. Предстоит пытаться быть счастливыми. А им предстоит всегда жить так, как они считают нужным, оставаясь для нас другой планетой. »

Америка

Татьяна Соломатина «Сони́на Америка»

Сочно, уютно) С одной стороны, вся эта ужасная искусственная еда, ожирение и прочие гадости, а с другой – вот она, то есть

Соня, выходит ночью из дома в одних тапочках, потому что у неё закончились сигареты. А потом решает ещё немного пройтись – просто курит и пьёт кока-колу. И я чувствую, как пахнет летней ночью и сигаретами в городе Бруклайн (не путать с Бруклином!)

« На другой стороне глобуса я стою в тапках, курю и пью кока-колу. Надо мною – совсем иная карта звёздного неба. По этой мостовой бродят люди, говорящие на другом языке. Милый продавец ночного магазина пьёт отвратительный кофе, а я... Я – на другой стороне глобуса, стою в тапках, курю и пью кока-колу... »

Берлин Аглая Дюрсо «Небо над Берлином»

Берлин изнутри, с высоты птичьего полета и под землёй. Весь рассказ мне казалось, что там по всему городу туман и идёт дождь, и всё такого серого цвета, и серый бетон стен метрополитена вокруг.

«Он хотел попасть на Бисмарк-штрассе, доктор. Потому что его товарищ не раз говорил ему, что надо попасть именно туда. И даже дал ему карту, где обвёл эту станцию красным карандашом и написал: «здесь!» а на самой карте, видно, наученный горьким опытом, написал: «вернись домой».

Италия Лидия Торти «Итальянской кухне посвящается»

Страна, где еда – намного больше, чем еда, а кофе и вино – намного больше, чем просто кофе и вино. Пара страниц о культуре еды, аппетитно и ярко, аж слюнки текут))

«Выйдя из дома в восемь утра, ты вдыхаешь аппетитный запах свежих круассанов, кофе и, следуя этому аромату, направляешься в один из любимых баров. Да, именно любимых! Туда, где ты знаешь бариста, и в курсе, что недавно они с женой отпраздновали двадцатипятилетие совместной жизни и съездили в Париж. Он спросит, почему сегодня ты такая грустная, сделает тебе капучино с пенкой в виде сердечка и пожелает тебе хорошего дня.

Заповедное место Фред Варгас

Новый детектив Варгас просто кишит самыми необыкновенными персонажами. Какими именно, можно узнать в рецензии Raziel

«Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина»... И вновь французский историк и археолог Фред Варгас предстаёт перед читателем во всём своём великолепии. Давно и основательно беременная творчеством Варгас «Иностранка» два года вынашивала крайний роман писательницы и томила читателей ожиданием, но, честно говоря, оно того стоило. Фред Варгас для меня, наверное, единственный автор детективного жанра, читая которого совершенно безразлично, о чём будет её новый роман — о жутком кровавом убийстве или о походе с детьми в зоопарк. Каждая новая книга — это прежде всего повод встретиться с любимыми персонажами, не любить которых просто невозможно. Внушительная Ретанкур для одних — лейтенант уголовного розыска, для других — энергетическая богиня, а для огромного кота Пушка, величественно возлежащего на нагретой крышке ксерокса, и вовсе объект большой и чистой любви.

«Он снова положил огромную голову на нагретую крышку, давая понять, что, если его по-прежнему будут носить к миске и позволят лежать на ксероксе, остальное ему безразлично. При условии, конечно, что Ретанкур не заведёт интрижку с этим псом. Ретанкур принадлежала ему, и он любил её.»

Хрупкая и вечно голодная Фруасси, специалист по связи и прослушке, падающая от страха в обморок при мысли о том, что придётся пропустить обед, словно белка, рассовывающая по всем укромным местам пакетики с едой. Юный бригадир Эсталер с зелёными глазами, «всегда широко раскрытыми от хронического удивления». «Адамберг пил редко, а Эсталер не пил вообще, потому что от спиртного у него делался туман в голове. Когда ему объяснили, что именно для этого люди и пьют, он был глубоко потрясён». Майор Данглар, мудрая серна и передвижная Википедия с беспокойными полостями в известняке души, требующая для работы лишь одного топлива — белого вина (хотя в этой книге, познакомившись с Абстракт, белому вину Данглар решительно и бесповоротно говорит своё «нет!» и переходит на красное). И конечно, комиссар Адамберг — загадочный и непостижимый для всех (и для себя самого в первую очередь), чей мыслительный процесс и извлекаемые оттуда образы не поддаются никакому взлому, включая безупречно острый скальпель логики Данглара (вот уж совершенно неканоничный аналог Ватсона-Гастингса). Нельзя не сказать и о призрачной любви Адамберга, Камилле Форестье, краешком неуловимой мечты появляющейся на горизонте почти каждой книги и обрастающей плотью (а вместе с ней — профессиями композитора и слесаря-ремонтника) разве

что в «Человеке наизнанку», ищущей ответы на все вопросы бытия, умиротворения и гармонии со вселенной в «Каталоге профессионального оборудования и инструментов». Это лишь часть основных персонажей серии, но не меньшего внимания заслуживают и эпизодические. Вспомнить хотя бы королеву Матильду из «Человека, рисующего синие круги», всемирно известного океанолога, готовую проявлять любовь к ближнему и сочувствовать человечеству по воскресеньям, но совершенно невыносимо, чтобы от неё требовали этого по четвергам — в дни бесстыдства, разброда, пустячных дел и сиюминутных удовольствий. Или негритянку Лизбету из «Уйди скорей и не спеши обратно», от улыбки которой всем хочется спрятаться на её широкой груди и остаться там на всю жизнь. Или же старушку Жозетту в синих теннисках из «Игры Нептуна», зарабатывающую на жизнь вовсе не государственной пенсией, а самым натуральным хакерством. Перечислять можно долго, но факт остается фактом: у Фред Варгас совершенно потрясающие персонажи, часто эксцентричные, но неизменно притягательные в своей яркой неповторимости.

И вместе с тем не персонажами едиными, в книгах Варгас привлекают не только герои и их незабываемые диалоги, привлекает её особенное видение мира и человеческих отношений с неизменными пряными нотами юмора и гротеска, иногда с едва различимым привкусом мистики и тонкой хрустящей корочкой абсурдизма, под которыми кроется безупречное понимание психологии, способность ухватить самую суть душевных механизмов и передать их часто причудливой, но всегда точной метафорой. Впрочем, в разных книгах все эти ингредиенты присутствуют в разных долях, и в «Заповедном месте» первую скрипку играет всё же детективная интрига. Во время ночной прогулки по знаменитому лондонскому кладбищу Хайгейт лорд Клайд-Фокс обнаруживает странную попытку проникновения за ограду погоста. С десятков пар французских туфель разного возраста и фасона выстроились в ряд у входа на кладбище. Лорд понимает, что туфли стоят не просто так, от нечего делать, что они хотят войти на кладбище, но не в этом странность (в конце концов, стоящие в ряд туфли ничуть не безумнее человека, который за несколько месяцев съел свой шкаф). По-

настоящему странным лорду показалось то, что в туфлях были ноги. Для разгадки этого происшествия и ничуть не менее странного убийства («— Ну и бойня, — сказала она. — А где тело? — Везде, лейтенант, — ответил Адамберг, показывая на комнату») уже во Франции комиссару Адамбергу придётся покопаться в истории Хайгейта, принять роды у кошки и защитить её потомство, обезвредить дракона «в высших кругах», вновь столкнуться с призраками прошлого из родной беарнской деревеньки, ответить кобасицы, приоткрыть шлюзовую камеру в бессознательное, повидаться с родственниками Данглара («— Но почему ваш дядя находился в Сербии? — Потому что он был сербом, комиссар.»), провести ночь в сербском склепе с жевачками, вздыхающими в гробах, отмотать историю на триста лет назад и найти разгадку в тарелке с морскими язычками а-ля Плогофф. Прекрасная книга прекрасного автора. Hvala, Фред.

Фред Варгас

Настоящее имя Фред Варгас - Фредерика Одуэн-Рузо. Звучный псевдоним придумала её сестра-близнец Жоэль, известная художница, работающая под псевдонимом Джо Варгас. Фамилия восходит к образу испанской актрисы Марии Варгас, увековеченному Авой Гарднер в фильме «Босоногая графиня».

Госпожа Одуэн-Рузо - кандидат исторических наук. Её диссертация была посвящена средневековым эпидемиям чумы, и впоследствии переработана в научно-популярную книгу «Чумные дороги». Впечатления от работы с историческими источниками послужили основой романа Фред Варгас «Уйди скорей и не спеши обратно».

Свою первую книгу Фредерика написала так: «Я мечтала научиться играть на аккордеоне. Сестра увлекалась классической музыкой, хорошо в ней разбиралась, так что мне не оставалось ничего, как осваивать народные песни - логично? Десять лет я насилывала несчастный инструмент, и моё упорство уступало лишь моей бездарности. Однажды, возвращаясь с раскопок, я выкинула аккордеон, купила блокнот, ручку и написала первый триллер».

Похождения бравого солдата Швейка

Ярослав Гашек

Похождения бравого читателя Empty

« — Не прикидывайтесь идиотом. — Ничего не поделаешь, — серьёзно ответил Швейк. — Меня за идиотизм освободили от военной службы. Особой комиссией я официально признан идиотом. Я — официальный идиот. »

Верующий находит успокоение, читая Библию, открыв её на любой странице. Я же поднимаю себе упавшее настроение, открыв на любом месте «Приключения...» и прочитав две-три странички... Правда, потом приходится читать и пять, и шесть, и дальше, сколько позволит время. Потому что, хоть и знаю эту книгу чуть ли не на память, удовольствия от чтения это никак не уменьшает. Вообще, весь роман — это бомбёжнейший сборник лулзов. Простодушный голубоглазый Швейк на деле оказывается невероятно толстым троллем, жестоко стебущимся над всем происходящим вокруг. И ой как не сладко пришлось остальным действующим лицам — карьеристам-военным, садистам-врачам, алкоголику-курату, бабнику-поручику, жандармам, судьям, шпикам, тюремным надсмотрщикам, чиновникам и офицерам всех рангов, которых судьба свела со скромным торговцем собаками Йозефом Швейком.

« — Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка. — Какого Фердинанда, пани Мюллерова? — спросил Швейк, не переставая массировать колени. — Я знаю двух Фердинандов. Один служит у фармацевта Пруши. Как-то раз по ошибке он выпил у него бутылку жидкости для ращения волос; а ещё есть Фердинанд Кокошка, тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ни чуточки не жалко. »

Начавшей мировую войну Австро-Венгрии срочно потребовался Швейк для смерти на поле боя за светлейшего монарха. Вот только Швейку война уж никак не была нужна. Во время его странствий по цепочке учреждений, службы в денщиках в тылу, поездки с маршевой ротой по всей империи Гашек выводит на страницы все яркие типажи тогдашней Империи, жестко попуская бюрократов, чинуш, урапатриотов, шовинистов и просто идиотов всех мастей. Весёлая и живая, миролюбивая и антивоенная, малость вульгарная, но ни разу не пошлая, изрядно приправленная чуть чёрным армейским юморком, книга никогда не потеряет актуальности.

Дело о пеликанах

Джон Гришэм

Сколько сюрпризов и сюжетных ходов преподносит дело о пеликанах! Vella удержалась, и не рассказала обо всем

Люблю я маленькие карманные книжки, которые можно таскать на работу, не боясь покалечить сумочку или накачать мышцы, как у Арнольда Шварценеггера... Гришема читала второй раз — и второй раз в мягком переплете (серия «Классическая и современная проза»). Читала долго, ибо пишет уважаемый товарищ автор весьма обстоятельно, а печатают его мелко-убористым шрифтом.

Что характерно, если сравнивать книгу с фильмом, то последний в значительной степени уступает своей прародительнице. Казалось бы, и в героях задействованы общеизвестные актеры, и интрига практически полностью отображена без искажения, однако глубины не хватает. Персонажи на киноэкране смотрятся словно тряпичные куклы в любительской пьесе для детского сада... Вот экранизация «Клиента» — просто на пять с плюсом! Можно смотреть не читая. А «Дело...» лучше изучать досконально, по страницам.

От юриспруденции и политики я весьма и весьма далека, но, стараясь разобраться в хитросплетениях сюжета, временно забываешь о своей «дремучести», а к концу книги уже мнишь себя профессиональным судьёй, неподкупным сенатором, ну, или — на крайний случай — догадливым детективом. Гришему, как мне кажется, удастся заинтересовать любого своей лихо закрученной историей — с двойным, а то и с тройным дном.

Двух членов Верховного Суда в одну ночь лишают звания. Поскольку на этот пост избирают пожизненно, очевидно, у убийцы не было иного плана действий: один судья расстрелян во сне прямо в своей постели, а другой задушен в кинотеатре при просмотре гей-порно. Вероятно, кому-то очень сильно мешал старикашка в инвалидном кресле и тайный гомосексуалист. Вопрос только в том: кому? И почему? Пока ФБР и ЦРУ бьются над разгадкой, юная студентка юридического факультета за пару дней пишет изыскательский труд, в котором подробно и обстоятельно излагает свое видение дела и тех последствий, которые оно может повлечь за собой. При чём тут пеликаны, спросите вы. Ха! — Чтобы это понять, придётся объехать с десятков гостиниц, обежать все коридоры Белого дома и провести журналистское расследование.

Гришем действительно хорошо пишет — подробно и доходчиво, для человека «со стороны». Единственный минус — засилье героев. Они то и дело выскакивают как чёртики из табакерки и сталкиваются лбами — что неудивительно при той толчее, которую создаёт Гришем. Хотя я готова признать, что такой развёрнутый персонажный ряд необходим для детального воплощения сценария книги. Пару раз мне приходилось пролистывать страницы назад, чтобы вернуть в свои дрожащие руки ускользающую нить повествования. Нить была найдена. Убийца тоже.

...Представьте себе, это даже не дворецкий!

Смерть героя Ричард Олдингтон

Тоссата о книге одного
незаслуженно забытого автора
«потерянного поколения»

«Дивная старая Англия. Да поразит тебя сифилис, старая сука, ты нас отдала на съедение червям (мы сами отдали себя на съедение червям). А всё же — дай оглянуться на тебя.»

Ох и славно же исполнил мистер Ричард Олдингтон свой «роман-джаз», свой милитари-джаз (уже моё определение)! Под «славно» я подразумеваю вовсе не триумф военного пафоса во славу Британской империи, а писательское мастерство, позволившее автору столь ощутимо передать на примере судьбы одного героя судьбу всего «потерянного поколения» и тягостный ужас первой мировой. Сообщив каждой главе романа музыкальный темп, Олдингтон облегчил задачу читателю и рецензенту: первый заранее может предположить характер повествования и действия, второму удобней в соответствии с темпом выразить собственные впечатления.

Упуская Allegretto (умеренно-быстро) пролога, в котором не терпевший лицемерия автор огорошивает нас сразу фактом смерти главного героя, и стихотворный эпилог, я приступаю к трём основным главам.

Часть первая. Vivace (оживлённо): «А наверху, у него в комнате, — томик Китса, искусно вытащенный из книжного шкафа».

Воистину оживлённо честит Олдингтон уставшую викторианскую мораль на примере

семьи Уинтерборнов: несостоятельность родительского союза Джорджа Уинтерборна-старшего и матери Джорджа Уинтерборна-младшего, нелёгкие школьные будни последнего, когда склонного к искусству паренька — уж сколько так было раз! — принуждают быть достойным — по меркам честных викторианских юношей тогдашней Англии — молодым человеком. Мы наблюдаем становление личности юного героя — уж сколько так было раз! — но! Олдингтон невероятно увлекает, переходя от тона, подобающего идеалистическому гимну юности, к тону язвительному, саркастическому, насквозь ироничному так неожиданно, что оставляет читателя на минуту отчасти недоумевающим: не двое ли, трое авторов ему повествуют?.. К чести юного Джорджа, он выдержал испытание и остался верен своей мечте — быть художником.

Часть вторая. Andante Cantabile (медленно, певуче): «Англия? Я что, голубой?» (с)

Здесь тоже полным-полно саркастичного Олдингтона, рассуждающего о вопросах пола и брака вслед за своими героями. Героев прибавилось, да: наш Джордж встречает свою возлюбленную. Скучный Лондон, где, тем не менее, молодёжь любит, развлекается, творит; увлечение работами Фрейда и «свободной любовью», раздельное проживание супругов, коими становятся все реже в свете новомодных половых теорий; неверие в перспективу

надвигающейся войны. Джордж, к чести своей, станет опасаться её раньше многих и, к ещё большей своей чести, не будет уклоняться от неё, подобно большинству своих богемных знакомых отсиживаясь в тылу.

Часть третья. Adagio (медленно): *«Где она, пуля, которая нам причитается?»*

Вот оно, грубое полотнище войны, пропитанное грязью и кровью, напичканное вшами, длинное, насколько возможно растянутое над Европой. В самой объёмной заключительной части я, ни разу, кажется, не читавшая ничего столь детального о первой мировой, прочувствовала (насколько это вообще позволяет литература) окопный мрак. Здесь в роли рассказчика уже не встретишь того упражняющегося в остроумии обличителя застарелых нравов, который был двумя главами ранее; сам в прошлом боец на Западном фронте, Олдингтон окончательно сменяет тон. Следом окончательно меняется Джордж: о каком искусстве может идти речь, когда во сне по нему снуют жирные крысы, а пейзаж вокруг — окопные норы, осколки снарядов и трупы погибших от них?! О бедные мальчики «потерянного поколения»!..

Страшно говорить такое, но Джордж сроднился с войной. Пробыв некоторое время солдатом, он признаётся, что довоенная жизнь стала для него будто бы никогда не бывшей; признаюсь, что таковой довоенная жизнь Джорджа становится и для читателя, стоит только прочесть немного из «окопной» части романа. Как хотелось мне съездить по физиономии лондонским приятелям героя, которых он встретил, будучи в отпуске, которые попугаями трещали над ним, равнодушным и молчаливым. Как хотелось проучить Элизабет и Фанни, этих безмозглых куриц, продолжавших «любить свободно», не умевших и выслушать этого мужчину, когда надо было приласкать его за все эти страшные месяцы сразу! Я не удивлена тем, что Джордж бросился под пули: он не только смертельно устал — ему, контуженному душой, ещё и не к чему было возвратиться.

P.S. Хочется слушать «Youth of today» британки Эми. Ознакомившись с эпиграфом к роману, вы меня поймёте.

Цитаник

«У молодости, по крайней мере, хватает ума жить мгновением»

«Он понемногу втянулся в журналистику – занятие, которое кратко, но очень точно можно определить, как унижительнейший вид унижительнейшего порока – умственную проституцию».

«Уныние, однообразие, скука – но скука особенная: в ней и напряжение, и тревога, и злость. Хоть бы уж двинуться дальше! Исхода нет, так, ради всего святого, скорей покончим с этим. Где она, пуля, которая нам причитается?»

«Я верю в людей, верю в некую изначально присущую им честность и чувство товарищества, – без этого общество не могло бы существовать.»

«Своекорыстие, правда, присуще всему свету, но все же оно кажется особенно отталкивающим в тех, кто, казалось бы, не должен до него опускаться... конечно, почему бы хорошему художнику или писателю и не преуспеть, - но как подумаешь, сколько интриг требуется в наши дни для успеха, поневоле отдашь предпочтение тому, кто не силой пробивает себе дорогу.»

«Красота не вне нас, но в нас самих. Это свою красоту мы узнаем в изменчивых узорах вечного потока жизни. Свет, форма, движение, блеск, запахи и звуки внезапно предстают перед нами не просто как привычный облик вещей, – в них обретает выражение жизнь, ключом бьющая в нас, они дарят радость, наслаждение».

К югу от границы, на запад от солнца Харуки Мураками

BlackFox о любимой книге
и хитросплетениях отношений

Мне бывает сложно писать рецензии на те книги, которые не понравились, и на те, которые наоборот — очень понравились. А к Мураками тем более бывает сложно подобрать те самые слова...

Эта книга о времени. И о любви. О взаимосвязи любви и времени. Глубоко похороненное, но всё ещё живое чувство Хадзимэ к Симамото пробуждается при встрече с нею через 25 лет. Всё это время он также помнит, что много лет назад плохо обошёлся с другой своей девушкой — Идзуми. Но сейчас он уже женат, у него две дочери. А Симамото — вот она, здесь, снова так близко, но и так далеко... Сколько всего изменилось за эти годы!

...Книга о том, что не всегда всё в нашей жизни можно объяснить. Почему за 8 лет до этой встречи с Симамото в баре он следил за ней, шёл многие кварталы, но так и не смог просто подойти и спросить: «А вы случайно не Симамото?». И всё могло бы сложиться иначе. Но так не сложилось. В такие моменты начинаешь понимать, что ты какая-то пешка, за которую кто-то где-то почему-то решает, что для тебя лучше, что тебе нужно, а без чего обойдешься. От этого может даже стать грустно. А может накатить раздражение. Но тем не менее, это есть. И может, через много лет, а может, и раньше понимаешь, что всё было так, как нужно, и всё довольно неплохо в итоге получилось. И то действительно была не твоя судьба, чужая дорога...

А ещё это книга о том, что самое сложное, трудное и тяжёлое — это осознание того, что такое «никогда». В тот момент, когда Хадзимэ уже твёрдо решает порвать отношения с женой, уйти из семьи, чтобы остаться с Симамото, она исчезает. И он понимает, что больше никогда её не увидит: она ушла навсегда. Ушла, потому что любила его, но не могла ему позволить из-за неё ломать себе жизнь. Тем не менее, с этим «никогда» нужно учиться жить дальше.

В конце романа он случайно видит Идзуми в такси.

«На её лице не было ни малейших признаков того, что мы называем выражением... это бесчувственное, опустошённое лицо, напомнившее мне морское дно, мёртвое и безмолвное...»

В этот момент время завершило свой оборот. Всё встало на свои места. Теперь прошлое начинает понемногу отпускать...

«Слушать эту музыку я больше не хотел. Но вовсе не потому, что она напоминала мне о Симамото. Просто она меня не трогала так, как раньше. Сам не знаю почему. В ней уже не было того... особенного, что задевало душу»

все эти годы. Не осталось чувств, так долго соединявших меня с ней. Просто была прекрасная музыка, но и только. Оплакивать эти прекрасные останки я не собирался»...

Юкико, жену Хадзимэ, я бы назвал не иначе как мудрой женщиной.

«Ты в самом деле эгоистичный, вздорный и никчёмный тип. И меня обижаешь... Ты снова можешь сделать мне больно. Не знаю, как я буду реагировать в следующий раз. Хотя, может, в следующий раз это я сделаю тебе больно. Мы ничего не можем обещать. Ни ты, ни я. Но я всё ещё тебя люблю. Вот и всё.»

В такие минуты это и нужно услышать человеку – что его по-прежнему любят таким, какой он есть. Просто любят... и всё.

P.S. Вспомнился философский анекдот Юрия Никулина: «По узкоколейке навстречу другу другу вышли два поезда и не столкнулись. Почему? Не судьба...»

Другое мнение Omi-san

Не первая книга, прочитанная у этого автора, и, что уж там – не самая лучшая.

Как вообще оценивать подобные книги модернистского течения? В которых нет академического сюжета и академических же персонажей? Основываясь только на собственных ощущениях. И, отталкиваясь от этих самых ощущений, говорю: не лучшая. Это не восхитительно тонкая, как ночная весенняя сырость, «Слушай песню ветра» и не вечерне-осенняя «Послемрак».

Не цепляет.

Герой на протяжении всей книги словно бы мёртв. В нём нет ни любви к жизни, ни желания жить. Есть моменты, когда эта жизнь в нём оживает: когда он ощущает *магнетизм*, когда он открывает джазовые бары и получает от этого реальное удовольствие, когда он следит за Симамото, тоскует по Симамото, любит Симамото – всё, что у него связано с Симамото – *жизненно*. Поэтому, когда она навсегда уходит – весь мир превращается в пустыню. И герой навсегда теряет любые иллюзии: он не знает, для чего существует, и не хочет узнавать.

Рассуждения о мире как о пустыне преследуют его с детства – его вторая после Симамото подруга детства Идзуми говорит об этом (и как бы предрешает собственную судьбу – достаточно вспомнить, как сложилась её жизнь), выделяя Хадзимэ среди других людей как *хорошего* человека.

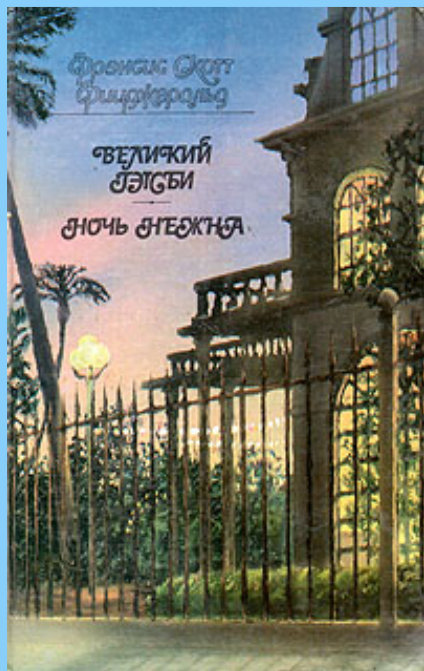
Но Хадзимэ всю жизнь преследует вопрос. *Почему я этого не сделал? Почему?*

Герой постоянно упускает возможности, которые могли бы изменить его жизнь и жизнь Симамото. Они могли бы быть вместе с двенадцати лет, а в итоге – были всего год – в тридцать семь.

Можно долго говорить об упущенных возможностях, о героине Симамото – такой характерной *непонятной* женщине в творчестве Мураками.

Главный герой только и делает, что упускает свои возможности, оставляя за собой искалеченных людей (та же Идзуми, та же Юкико, та же Симамото, наконец) и в итоге остаётся в пустыне.

Мне такие герои неинтересны.

Великий Гэтсби Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Второй роман-джаз в этом номере.
blade_o_grass о блистательном мире
Фицджеральда

*Только рухнувшая мечта ещё билась,
оттягивая время, цепляясь за то, чего
уже нельзя было удержать.*

Помню, в детстве меня всегда привлекала эта книжка с обложкой в нежных мечтательных тонах. Роман почему-то представлялся тогда безнадежно унылым, как светская хроника, поэтому я больше рассматривала картинки. На них, освещённые крупными яркими мазками цветных огней, искрящиеся женщины и загорелые мужчины в безукоризненных костюмах толпились в красочной неразберихе среди длинных лимузинов цвета густых сливок, пушистых пальм, огромных золотистых бокалов и белоснежных занавесок, полощущихся на ветру.

И ведь – кто бы мог подумать – роман оказался именно такой.

Сюжет, герои, да и весь мир романа, полный света, музыки и ароматов – с первых страниц создают впечатление чего-то почти сказочного. Но это не сахарная лавстори и не мыльная опера «Богатые тоже плачут», хотя время от времени пахнет то тем, то другим. Скорее, здесь прохладным бризом сквозит едва уловимая ностальгия: последняя романтическая история – как «обрывок ускользающего ритма», как «музыка, которая больше не зазвучит». Но будь эта книга только лишь невесомой блестящей сказкой, пожалуй, она

не стала бы классикой, или, по крайней мере, классикой двадцатого века, когда время сказок если ещё не ушло, то уже уходит в прошлое. «Нельзя вернуть прошлое? Почему нельзя? Можно!» – восклицает прекрасный принц, но воздушный замок рухнет неслышно, да и королева уже не соблазнится его облачной белизной. Ощущение от романа такое, будто ныряешь с головой в тёплый бассейн, но постепенно замерзаешь, а попытавшись вынырнуть, вдруг ударяешься о лёд.

Впрочем, история Гэтсби слишком легка и мимолётна, чтобы стать ударом. Он проходит мимо нас, как видение: будто вдруг вошёл в комнату, постоял у окна и так же внезапно вышел через другую дверь. История, вопреки ожиданиям, начинается задолго до появления загадочного героя, да и заканчивается, назло предчувствиям, отнюдь не сразу после его ухода со сцены. А всё потому, что главных героев в романе на самом-то деле двое: герой заглавный и герой-рассказчик. И сам Гэтсби – хоть он, бесспорно, в чём-то и велик – всё же не так интересен, как рассказчик – человек, чуждый сказке, в которой ненароком очутился, и привыкший хоть не без любопытства, но с иронией смотреть на весь этот золотистый пух и бриллиантовый прах.

Игра в классики

Хулио Кортасар

Роман аргентинского писателя в ос...
Стоп! Какой роман? Это АНТИроман –
заявляет Silmarilion1289

Мелом расчерчен асфальт на
квадратики,
Манечка с Танечкой прыгают тут.
Где это видано, где это слыхано, –
В «классы» играют, а в класс не идут?!»

На мой взгляд, весь роман заключён именно в этих четырёх строчках, и отнюдь не потому, что в них много смысла, философии и чего-то там ещё. «Игра в классики» — это многоуровневый антироман, в который втиснуто множество жизней и характеров. И отнюдь не важно, Манечка это или Оливейра прыгает по классикам, весь смысл романа в том, что «общий» элемент отсутствует. Не поймите неправильно: роман несёт в себе глубокую философию, идеи, взгляды, но само построение, сама форма просто обязывает (лично меня) прийти к выводу, что многогранность романа настолько многогранна, что общий смысл «размазывается» от мозга к мозгу. Наверное, именно такие романы ставят крест на вопросе понимания человека человеком, ибо, прочитав «классики», все твердят о разном, даже не сходясь на слове «замечательно». Роман со своей разбитой композицией как бы сам говорит: «Даже не пытайтесь меня понять, потому что сам автор вложил в меня непонимание». «Прыжки» от характера к характеру, от истории к истории, из Европы в Америку, сдобренные ударной дозой словесной возни и

откровенным заявлением писателя о том, что «я создам такое, что о-го-го», запутывают ещё больше.

Но спрашивается, зачем печалиться? Роман «разминает» мозги, заставляет их работать, так что всё нормально. Да, конечно, крыша страдает, но кто её, собственно, бережёт? Так что после двух месяцев «перемалывания» Кортасара получилась вот такая до ужаса запутанная рецензия, которая отнюдь не так запутана, как сам роман. Запутанность и «крышесрывание» ценим и любим, поэтому ничего, кроме 10 из 10, поставить невозможно (а на иное, простите, и рука не поднимется!), пусть после прочтения и не асфальт расчерчен на квадратики, а мозги.

Вердикт: 10 из 10 (Ромбические мозги и танец со скипидаром — прелестно!)

P.S.: По той же причине, что «мозг размазан», не буду писать, а собственно, о чём это? Споры на кортасаровские темы бесполезны и вредны.

Столпы земли

Кен Фоллет

Обстоятельная рецензия Apsny
на исторический роман-эпопею

Решив не искать лёгких путей, я взялась за самую длинную книгу из своего флэшмоба-2011. Огромное спасибо veronika_i за то, что она мне её посоветовала! Ведь я могла никогда сама не добраться до этого произведения, и как это было бы обидно! Воистину – мы частенько и не знаем, чего лишены...

В романе-эпопее «Столпы земли» есть практически всё, что мне больше всего нравится в книгах. Одна из моих любимых тем – история семьи на протяжении длительного отрезка времени, когда все сюжетные линии крутятся вокруг этой семьи. И о чём бы ни зашла речь в романе – об овцеводстве или архитектуре, торговле или войне – ничто не остаётся случайным, каждая ниточка оказывается вплетённой в пёструю ткань означенной семейной истории. Причём выдуманные персонажи – родственники, друзья и враги Тома-строителя – перемешаны с вполне реальными историческими лицами – такими, как король Стефан и королева Мод, архиепископ кентерберийский Томас Бекет, а бытовые события жизни героев – с известными событиями английской истории, что придаёт повествованию ещё более острую увлекательность. Необыкновенно интересно было в литературной форме познакомиться с отрезком средневековой истории Англии, совсем почти для меня неизвестным. Конечно, я слышала краем уха про Томаса Беккета, про злодейское его убийство прямо в соборе,

знала, что он канонизирован – и не более того. А тут пришлось лезть в поисковик и искать подробности, так заинтересовалась!

А какие замечательные герои, и особенно – героини! Сразу две новые кандидатуры в подборку о сильных женщинах: Эллен и Алина. Подумалось: а ведь не только в русских селеньях, знаете ли!.. Возможно, их образы не совсем правдоподобны для того времени, хотя кто знает – девушки с характером скорее всего встречались не только в прошлом и нынешнем веке. Эллен, вторая жена Тома, так ценит своё право быть свободной и свободно любить, что предпочитает жизнь в лесу унижениям в обществе, она поселяется в пещере и превращает её во вполне сносное для человека жилище. И даже умудряется вырастить там замечательного сына Джека, будущего талантливого архитектора, и научить его грамоте (для того времени редкость необыкновенная). Алина, дочь впавшего в немилость графа – это, можно сказать, средневековая Скарлетт О'Хара – женщина с такой же неиссякаемой силой духа и умением возрождаться из пепла жестоких жизненных испытаний. Она не скована ни сословными предрассудками (в отличие от своего брата), ни сознанием своей женской «неполноценности», свойственным той эпохе. Очень впечатляет и отрицательный персонаж женского рода – мать Перси Хамлея, этакая леди Макбет местного разлива,

ловко управляющая мужчинами семьи с помощью своего ума и коварства. Мужские персонажи прописаны послабее, но тоже запоминаются, особенно приор Филип – человек, одушевлённый идеей и служащий богу со всей страстью своей целомудренной природы. Его пост требует самых разных способностей, и по мере сил Филип становится и хозяйственником, и дипломатом, и ремесленником, оставаясь при этом добрым и человечным. Джек, сын Эллен – образ художника-творца, которого никогда не устраивают каноны, утверждённые задолго до него, и стремления его предельно высоки – создать то, чего не видел ещё никто в его стране.

Исключительно яркими и цельными нарисованы отрицательные мужские персонажи. Чего стоит один только Перси Хамлей – настоящий средневековый гопник, прости Господи... Его потрясающая тупость, узость кругозора, отвратительная жестокость к слабым и зависимым, умение быть храбрым только в стае, скотское отношение к женщинам заставляют проникнуться к Перси просто-таки личной ненавистью! А епископ Уолеран – человек, лишённый всех человеческих чувств и слабостей и живущий исключительно интригами, этакий Макиавелли, крадущийся к цели, как жестокая гиена!

Стиль изложения в романе таков, что невольно погружаешься в события «по самые уши», переживаешь за героев, порой волнуешься – а как же она дальше-то будет, после такого; порой облегчённо вздыхаешь – пронесло! Автор умеет так нагнетать атмосферу, что иной раз просто в воздухе чувствуешь опасность, но не знаешь – когда же рванёт! Особенно показательной в этом плане является сцена с подготовкой овечьей ярмарки. Язык и перевод неплохой, хотя и не блестящий, читается легко. Единственное, что портило впечатление – наличие жестоких натуралистических сцен, ну как-то не вписывается, на мой взгляд, в общую канву повествования. Особенно последняя сцена с Алиной и Альфредом, которая даже не выглядит логически обоснованной, хотя весьма кстати в плане сюжета. Вот за что обожаю Дюма – у него такого никогда не встретишь, а читается нисколько не хуже!

А сколько интересных подробностей и хороших мыслей, причём достаточно кратко изложенных, рассыпано по страницам романа!

Автор не изводит читателей многостраничными рассуждениями о том, что можно сообщить в нескольких строках или фразах, не навязывает им своих мнений по поводу того или иного исторического события. Зато все его объяснения к месту и по делу. К примеру, я никогда не интересовалась архитектурой вообще и строительством церковью в частности. Когда приобрела как-то шеститомник Проспера Мериме – была сильно удивлена, что пара томов из него посвящена исключительно описанию различных французских соборов, истории их создания и т.п.; попробовала читать – не идёт никак, скучища смертная. А в «Столпах земли» рассказывается об этом так просто и интересно, что невольно увлекаешься. На событиях из жизни героев мы очень наглядно убеждаемся в том, что же такое представляла собой знакомая нам из учебников истории «борьба церкви с государством» – когда от того, к кому из претендентов на трон присоединится архиепископ, во многом зависит судьба короны, и церковь, хорошо это понимая, выторговывает себе немислимые привилегии. Или «вассальная зависимость» – которая, если вассал такой жуткий тип, как Перси Хамлей, становится истинным наказанием господним для всей округи. Мы видим в романе, как зарождались новые методы торговли – появление торговых оптовиков-посредников между деревней и городом, как из деревень возникали городки и затем настоящие города, как впервые возникали объединения рабочих – предтеча нынешних профсоюзов, новые принципы оплаты труда и заключения трудовых договоров...

Кен Фоллет в своём романе говорит нам – вот они, столпы земли! Это не короли, графы и епископы, всю жизнь занятые только борьбой за власть над телами и душами подданных и за свои незыблемые привилегии. Это – простые люди Англии: ремесленники, строители, торговцы, крестьяне, монахи. Это они шьют туники и мантии, строят дома, храмы и дворцы, доставляют людям всё необходимое, выращивают еду для богачей и нищих, переписывают книги и спасают сирот... Не будет их – не будет и королей, потому что не королями движется жизнь.

Голодные игры Сьюзен Коллинз

Helga Inglis о популярной антиутопии,
в которой нет ни одного вампира

Первый раз прочитав аннотацию к «Голодным играм» и несколько рецензий в книжном интернет-магазине, я не на шутку заинтересовалась. Жанр «антиутопия», к которому относят трилогию Сьюзан Коллинз, сам по себе очень интересен, но я редко с ним сталкивалась. «А почему под такой обложкой?» — в сердце зародилось сомнение. Первое издание романа было оформлено в стиле любимой многими серии о вампирах. К сожалению, никак не могу отучить себя связывать оболочку книги с содержанием, ведь это не гарант ни глубокой, интересной истории, ни случайно оказавшейся там пустышки, в конце концов. «Ну что ж, подождём ещё отзывов», — решила я на тот момент.

Чуть позже, увидев знакомое название на полке в магазине и довольно привлекательно оформленную картину стоящих рядом паренька и девушки на фоне леса, решила купить сразу два издания: первую и вторую часть. И не прогадала.

На месте уничтоженной Северной Америки возвышается диктаторский центр и непоколебимая столица государства Панем — Капитолий. Место, куда простым рабочим людям вход запрещён, если только листочек с твоим именем не вытащили в результате лотереи. И вот ты, вместе с другими несчастными «избранными» случаем детьми — уже часть той жестокой, кровавой игры, где либо убиваешь ты, либо убьют тебя. Главное — выжить.

В одном из Дистриктов (районов, на которые делится Панем) о своей нелёгкой жизни рассказывает нам шестнадцатилетняя девушка Катнисс. Описывая реалии того бедного общества, которое её окружает, остаётся только критиковать существующую власть и жалеть о своей беспомощности, и то только про себя: а вдруг кто-то услышит? Повторять судьбу взбунтовавшегося против государства Дистрикта-13 никто не хочет — сейчас о нём могут напомнить лишь выжженные химией земли. Больше изощрённых смертей, больше! Разве это не самый действенный способ лишний раз дать почувствовать всем жителям, где их место? Убивая их детей, заставляя смотреть на всё это, как на яркое шоу. Но никто не подозревал, что семьдесят четвёртый сезон «Голодных игр» будет с другой, совсем неожиданной для всех концовкой.

Книга нацелена на определённую возрастную категорию, но как захватывает! Соглашусь со многими: читаешь не отрываясь, читаешь буквально за сутки. Потому что начинаешь переживать за героев, потому что сейчас они живы и пытаются отыскать источник воды, незаметный ночлег, а всего через одну страницу кто-то из них уже мёртв.

Не сказать, что та лёгкость слога, с которой написана книга, сразу втягивала как в омут с головой. Всё же это заслуга довольно лихо закручивающегося сюжета и динамичности сменяющих друг друга событий. Вначале

Другое мнение springsong

резко появившееся чувство очередного массового «завлекалова» с претензией на книгу-сенсацию я старалась подавить. И как хорошо, что ничего похожего дальше не обнаружилось – мне действительно понравилось.

Если говорить о некоторых минусах, то это, на мой взгляд, не до конца прописанная история мира. Мне хотелось узнать, какая именно катастрофа настигла планету и прежнее государство, есть ли ещё сохранившиеся земли, выжившие люди, или только эта область, Панем? Вариаций в голове можно составить множество.

В книге хотелось встретить пояснения такого рода, мир определён был бы глубже. Или стоит подождать этого в остальных двух книгах? Что ж, увидим. В любом случае, это только моё маленькое пожелание, книга и без этого заставит обратить на себя ваше внимание.

Очень интересно будет увидеть экранизацию. Большое желание сравнить те образы, которые всплывали при прочтении книги, с будущим антуражем фильма и подобранными актёрами. Жаль, что это будет совсем не скоро, но очень надеюсь, выйдет удачно.

Антиутопия. На территории, ранее занятой Соединенными Штатами Америки, новое государство – Панем, состоящее из Капитолия и управляемых им двенадцати Дистриктов. Капитолий – район богатый и благоденствующий, в Дистриктах все по-другому, они живут практически в условиях военного положения, в бедности, с минимальным количеством прав. Капитолий строит «светлое будущее», и жестоко карает всех посмеявшихся усомниться в идеальной системе (очень знакомо). В наказание за давнюю попытку бунта, ежегодно в каждом Дистрикте проводится Жатва – отбор путем жеребьевки юноши и девушки от 12 до 18 лет, которые затем участвуют в Голодных играх, транслируемых на всю страну кровопролитном состязаниях, где в живых должен остаться только один, который и будет признан победителем.

Сюжет, понятное дело, новизной не отличается – он уже не раз обыгрывался в голливудских фильмах, и еще много-много лет назад я читала на похожую тему рассказик, опубликованный в газете «Неделя», где тоже фабула строилась вокруг жутких гладиаторских боев между подростками. И вот тот небольшой рассказ, помнится, произвел на меня неизгладимое впечатление, было действительно страшно и грустно (жаль, не помню ни автора, ни названия). А эта книга, видимо потому, что ориентирована в первую очередь на подростков, скорее боевик, чем драма (идеальный сценарий для блокбастера, кстати) особо без психологии, все как-то приглажено-причесано, а главную героиню автор ловко уводит от действительно тяжелых решений. Ей, в общем, так и не приходится решать, что страшнее – убить невинного и дорогого тебе, или умереть самой, оставшись человеком.

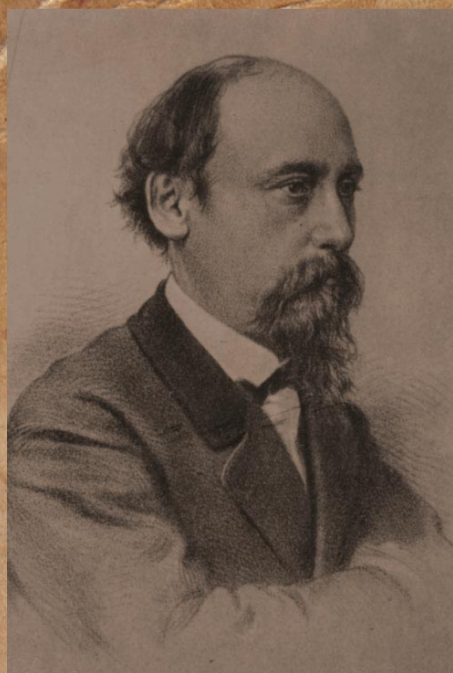
Написано динамично, читается легко. И так же легко забывается по прочтении. То ли дело в том, что я не попадаю в целевую аудиторию, то ли см. выше.

Иллюстрация Гюстава Доре к «Коту в сапогах». Кот говорит косарям: «Добрые люди, косари! Если вы не скажете королю, что луг, который вы косите, принадлежит господину маркизу де Караба, вас всех мелко искрошат, как мясо для пирога». Через пару минут тут будет король с сыном мельника, который выдает себя за маркиза де Караба.

Гюстав Доре – французский художник, прославившийся иллюстрациями к «Божественной комедии», «Дон Кихоту», сказкам Шарля Перро и Библии.

Автор Countymayo

Николай Алексеевич Некрасов

Издать сборник стихов, чтобы позже скупить его и сжечь. Отказаться от всего, чтобы учиться. Издавать литературный журнал на свои средства, несмотря ни на что. Все это о человеке, чья самоотверженность сделала многое для литературы.

22 ноября 1821 года в Винницкой губернии, в деревне Синьки, где квартировал полк майора Алексея Некрасова, родился его третий сын Николай. Предыстория брака родителей Некрасова своеобразна. Алексей Некрасов был не только ревностный служака, но и поклонник женской красоты. В Варшаве он познакомился с Еленой Андреевной Закревской, дочерью богатого помещика Херсонской губернии, и страстно влюбился в неё. Отец с матерью не хотели выдавать образованную и воспитанную красавицу-дочь с прекрасным певческим голосом за бедного неуча-офицера. Александра вышла за Алексея по любви, без родительского благословения и, естественно, была всю жизнь несчастлива. Поэт всегда вспоминал о матери как о мученице, терпеливой жертве отвратительного домашнего насилия, а об отце — как о жестоком, непримиримом тиране.

Детство Некрасова прошло в поместье Грешнево Ярославской губернии, куда удалился его отец после отставки. Следы особенного ярославского диалекта сохранились и в литературной речи Николая Алексеевича. Когда Набоков пеняет Некрасову, что, дескать, певец русской природы не отличает оводов от шмелей, то обнаруживает собственное незнание. Под Ярославлем до сих пор всё кусачее-летучее-слепнеобразное называется коротким и ёмким термином «чмиль».

Семья была огромная: у будущего поэта было тринадцать братьев и сестёр, и Алексей Сергеевич был вынужден стать полицейским исправником. В разъезды и командировки он брал с собой сына, и первые впечатления мальчика о народной жизни были связаны с мрачными событиями. Исправник едет в село, если там кто-то умер нехорошей смертью или не уплачены недоимки. Тяжёлый нрав Некрасова-старшего раздражался над крестьянами, как грозовая туча, а маленький Николя чуть ли не при допросах присутствовал: так суровый родитель учил его жизни. Мама и старшая сестра Елизавета дома учили читать и Богу молиться. По некоторым, хотя отрывочным и косвенным данным мы знаем, что в детские и отроческие годы были прочитаны ода Пушкина «Вольность» («Свобода», как её называл сам Некрасов) и позднее «Евгений Онегин». Основным поэтическим чтением оказались романтики: от Байрона до Жуковского.

В десятилетнем возрасте Николай поступил в Ярославскую гимназию, проучился там пять классов и в 1838 году по настоянию отца уехал в Санкт-Петербург определяться в военную школу под названием Дворянский полк. Всё уже шло на лад, но вмешался случай. На улице Николай повстречался с гимназическим приятелем, неким Глушицким, тот познакомил его со своими друзьями, расхвалил

Санкт-Петербургский университет, и... Грозный отец рвал и метал, лишил горе-гвардейца денежного содержания, но Николая это мало волновало: он готовился на филологический факультет и летом 1839 года уже держал экзамены. Не выдержал, стал вольнослушателем философского факультета и три года ходил на лекции, не имея никаких средств к существованию. То есть голодный, замёрзший, переезжающий с квартиры на квартиру, больной... Потом признанный властитель дум вспоминал студенческие годы в шуточных стихах:

*Питаясь чуть не жестию,
Я часто ощущал
Такую индигестию,
Что умереть желал.*

Индигестия — это расстройство пищеварения. Что и как ел Некрасов? Из мемуаров: *«Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан на Морской, где дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь, бывало, для вида газету, а сам пододвинешь себе тарелку с хлебом и ешь»*. Вспоминает сестра режиссёра Александринки Н.И. Куликова, артистка А.И. Шуберт:

«Мне горько и стыдно вспомнить, что мы с мамёнкой прозвали его «несчастливым».
— Кто там пришёл? — бывало, спросит мамёнка. — Несчастливый? — И потом обратится к нему: — Небось, есть хотите?
— Позвольте.
— Акулина, подай ему, что от обеда осталось.

Особенно жалким выглядел Некрасов в холодное время. Очень беден, одет плохо, всё как-то дрожал и пожимался. Руки у него были голые, красные, белья не было видно, но шею обёртывал он красным вязаным шарфом, очень изорванным. Раз я имела нахальство спросить его:

— Вы зачем такой рваный надели?
Он окинул меня сердитым взглядом и резко ответил:
— Этот шарф вязала моя мать».

С голодухи-то и пришлось заняться литературным творчеством: фельетонами, театральными обозрениями, рифмованными подписями к лубочным азбукам и сказкам про Бову,

статьями в «Русский Инвалид» и «Литературную Газету». «Баба-Яга, костяная нога», «Сказка о царевне Ясносвете», «Юность Ломоносова», «Великорусский поступок», «Федя и Володя»... *«Был я, — вспоминал Некрасов, — поставщиком у тогдашнего Полякова, — писал азбуки, сказки по его заказу. В заглавие сказки: «Баба-Яга, Костяная нога» он прибавил: жопа жилиная», я замарал в корректуре. Увидав меня, он изъясил удивление и просил выставить первые буквы ж... ж. Не знаю, пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать, по какому-то неведомому мне праву, выпустил эту книгу г. Печаткин. Жиленой жопы там не было, но зато было моё имя, чего не было в поляковских изданиях»*.

Стихи Николай Алексеевич впервые напечатал в 1838 году, а впервые написал — в гимназии, и был это памфлет на преподавателя.

На собственные средства он издал в 1840 году сборник лирической поэзии «Мечты и звуки», и сборник этот был ужасен. Чтобы не быть голословной, приведу отрывок:

*Кто духом слаб и немощен душою,
Ударов жребия могучею рукою
Бесстрашно отразить в чьём сердце силы нет,
Кто у него пощады вымоляет,
Кто перед ним колена преклоняет,
Тот не поэт!*

Николай носил их самому Жуковскому в Зимний Дворец. Мудрый учитель престолонаследника вынес вердикт: «Если хотите напечатать, то издайте без имени. Впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи». Неистовый Виссарион Белинский разгромил юношеский дебют в «Отечественных Записках» (рецензию читала, честно говоря, из пушки по воробьям). Некрасов скупил и уничтожил книгу и в дальнейшем не включал ни одного стихотворения из книги «Мечты и звуки» в собрания своих сочинений. На данный момент «Мечты и звуки» считаются библиографической редкостью, и букинисты мира лягут костями за потрясающую возможность заполучить эту мусть.

В 1841 году молодой писатель стал сотрудником популярных и весомых «Отечественных Записок» — сперва в библиографическом отделе, потом уж и в литературном. Летом ехал домой на свадьбу сестры, надеялся явить себя во всём блеске отцу и порадовать маму.

Мама умерла за три дня до приезда «Николеньки»... «Известие чуть не убило меня», — напишет об этом периоде Некрасов.

В деревне он прожил почти полгода, спасался охотой на зайцев и очередным «писанием эгоистическим», т.е. для заработка. В декабре вернулся в Петербург, опять впрягся в лямку. Меня это всегда поражало: как может рецензировать, критиковать, писать фельетоны и обозрения человек без малейшего высшего образования? Скатов утверждает, что вузом Некрасова была Публичная библиотека, где «бессистемно и судорожно», зато с любовью им поглощалось огромное количество книг.

Через год не стало и Елизаветы; вот так друзья уходят, а новых не найти. Вакуум заполнялся работой.

В 1843 году журналист познакомился со своим хулителем Белинским. И вышла из этого знакомства глубочайшая дружба и духовное товарищество: «Учитель! Перед именем твоим Позволь смиренно преклонить колени!..», а в прозе: «Что бы ему пожить дольше, тогда был бы я не тем человеком, каким теперь». Виссарион Григорьевич не предрекал Николаю Алексеевичу судьбы выдающегося прозаика, но направлял его к прозе. В 1842-1843 годах Некрасов пишет «Повесть о бедном Климе», а с 1843 года — и большой, во многом автобиографический роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Поэтически переломным стал год 1845; двадцатичетырёхлетний литератор съездил домой и нашёл семью развалившейся. Брат Константин служил на Кавказе и пил запоем — в двадцать-то лет! Сестра Анна, младше на год, служила в чужих людях гувернанткой. Семнадцатилетний Фёдор проводил время на псарне, а отец даже не замечал, что происходит, занимаясь устройством личной жизни на свой, некрасовский лад. Бывший дворовый Алексея Сергеевича вспоминал уже в начале нашего века: «Старый барин во время охоты заметил красивую девушку, половшую картофель; она ему понравилась». «Ефим, приведи», — распорядился он, недолго думая. Ну, Ефим и привел её, как собаку, на цепи». Эта приведённая на цепи девушка Аграфена в конечном итоге стала домоправительницей, старшей женой крепостного гарема. После 1850 года Аграфена получила от Алексея

Сергеевича вольную, приписавшись в ярославские мещанки, а с его смертью вышла замуж, умерла же в болезнях и нищете.

В том, что стихотворение «В дороге» было написано после поездки Некрасова в Грешнево летом 1845 года, проявилась и какая-то общая принципиальная закономерность, и можно догадываться, что эта поездка, о которой мы ничего не знаем, была решающей в повороте к народу. Ведь до этого ни строкой, даже в письмах, деревня у Некрасова ни разу не появлялась.

Это вновь Скатов, и, видимо, он прав. Некрасов сделался другим. Собратья по перу плакали, когда он читал «В дороге», «Еду ли ночью по улице тёмной». Новое, никогда не бывавшее, личное и... и страшное, потому что правда.

Поразителен ещё и тот факт, что поэтический рост бывшего литподёнщика сочетался и с ростом издательского таланта. В 1844-1845 годах Некрасов, влезая в долги, издавал такие сборники, как «Физиология Петербурга», «Первое апреля», «Петербургский сборник», и они не то что окупались: они приносили прибыль! Вдохновясь, он затеял нечто небывалое: новый литературно-критический журнал с памятным — не надо быть пушкинистом! — названием «Современник». 25000 рублей внёс друг-литератор, Иван Иванович Панаев, остальные деньги собрали по знакомым. Со стороны Некрасова были идеи. Он разрекламировал возрождённый «Современник», привлёк к сотрудничеству Белинского, Грановского, Герцена и Огарёва, учинил литературные приложения и даже раздел моды, что в тот период всех удивляло. Но формально руководителем был не он.

...формально журнал от издателя вполне благонамеренного, профессора Плетнева, переходил под редактуру вполне благонамеренного профессора Никитенко. И тому, и другому фактически уже только за имя издателя должны были много платить. Было оговорено, что Плетнев не вмешивается в ведение дел журнала. Предполагалось, что не будет вмешиваться и Никитенко. Таким образом, одному платили, несмотря на то, что он не работал, другому за то, чтобы он не работал.

Плетнев, несмотря на то, что не работал, запросил за аренду 3000 рублей, да ещё про-

цент с каждого подписчика. Почему Белинский от души и пожелал ему, заочно конечно, подавиться. Никитенко же за свои 5000 рублей как раз хотел влиять на ход дел...

Подписка повысилась в прямом смысле слова на порядок. Выход каждой журнальной книжки отмечался пышным пиршеством сотрудников — и было что праздновать! Панаев сознательно отошёл на вторые роли. Белинский попросил о соредакторстве, и был отказан.

Дело своей жизни Николай Алексеевич предпочёл делать со своей командой. Время рассказать об одной представительнице этой команды, с которой поэта связывали не только профессиональные, но и личные узы.

Авдотья Яковлевна Панаева была незаурядным, умным, талантливым и тяжёлым человеком — на этом сходятся все мемуаристы и биографы. Она родилась в семье театральных актёров и сама окончила театральное училище. Детство и юность Авдотьи (своё имя Евдокия она ненавидела) омрачалось трудными отношениями с матерью. Чтобы избавиться от родительского гнёта, девушка вышла замуж в восемнадцать лет. Её избранник Иван Панаев, происходящий из старинной дворянской семьи, имел средства и был известен как многообещающий писатель — чего ещё желать? Однако брак получился несчастный, и в первую очередь потому, что молодой супруг оказался не приспособлен для семейной жизни. Он вёл рассеянный образ жизни, играл в карты, водил знакомства с дамами полусвета, славился непрактичностью и несерьёзностью даже в далеко не практичных и не серьёзных литературных кругах. Юная красивая жена скучала, а неразумно позволять скучать юной красивой жене. Её скуку может развеять кто-либо другой.

Так и вышло в случае Панаевых. Авдотья и Николай полюбили друг друга и вступили в гражданский брак. Вряд ли обоснованы непристойные слухи о «супружестве на троих», хотя Иван Панаев и любящая чета проживали под одной крышей. Напротив, Панаев довольно легко отступился от супружеских прав и вернулся к холостяцкой жизни, а дружбу с Некрасовым сохранил навсегда. Возможно, одной из причин столь лёгкого распада семейных уз был знаменитый характер госпожи Панаевой. Характер Некрасова был не менее знаменит. Нервная, обидчивая, ревнивая жен-

щина слабого здоровья плюс нервный, обидчивый, ревнивый мужчина опять-таки слабого здоровья. По русской поговорке, нашла коса на камень.

Большим разладом была чревата страсть Николая Алексеевича к игре, которую позднейшие биографы любят драматизировать. Играл, проигрывал, но до кальсон не проигрывался никогда! Периодически проскальзывают и обвинения в шулерстве. Это естественно: как только игроку хоть немного везёт, его непременно обвинят в шулерстве.

Совместная профессиональная деятельность, надо заметить, семейной паре удавалась. А.Я. Панаева много печатала в «Современнике» прозу — и поверьте, там до сих пор есть что почитать в обоих смыслах! — и помогала Некрасову с редактурой. Когда в 1848 году благодаря цензуре «Современник» остался без прозы, Панаева и Некрасов под общим псевдонимом Н. Станицкий создали два больших приключенческих романа: «Три страны света» и «Мёртвое озеро».

А вот семьи — не получалось. Нет, Авдотья Яковлевна была мастером по созданию рабочей обстановки, домашнего уюта. Её литературный салон для многих журналистов и писателей того времени стал необходимой свободной средой обмена идеями и мнениями. Как жена, она была выше всяких похвал. Только вот мечтала стать ещё и матерью...

Дети Некрасова — одна из главных загадок его биографии. Авдотья Панаева была несчастлива в материнстве: у неё умерли младенцами дочь от первого мужа в 1843 году и двое сыновей от Некрасова — в 1848 и в 1855 годах. А.В. Дружинин свидетельствует в дневнике о третьем ребёнке, родившемся в 1853 году: *«Вчера узнал, что у Авдотьи Яковлевны есть дитя, четырёх месяцев. Это возможно только в Петербурге — видется так часто и не знать, есть ли дети у хозяйки»*. Иных упоминаний о «дитяти» нет. Наиболее радикально настроенные биографы на основании этой записи фантазируют, что Панаева и Некрасов не занимались детьми, не придавали им значения. В действительности младенческая смертность в Санкт-Петербурге была высока и без вмешательства нерадивых родителей.

Как бы то ни было, общая трагедия не сближала Авдотью Яковлевну и Николая Алек-

сеевича, а разделяла. Часто цитируют из письма к Боткину: «Сказать тебе по секрету — но чур, по секрету! — я, кажется, сделал глупость, воротившись к ней. Нет, раз погасшая сигара — не вкусна, закуренная снова!..». Суровые слова.

Некрасов расстался с Панаевой в 1863 году, по обоюдному согласию. Она вышла замуж за публициста и критика А. Головачёва (кстати, сотрудника «Современника»), в сорок пять лет родила долгожданную дочь. Через несколько лет, овдовев, жила в такой бедности, что обращалась за помощью к Литературному фонду. Самым известным произведением Авдотьи Яковлевны остаётся последнее: «Воспоминания»; советую прочитать.

Весной 1870 года поэт влюбился в Фёклу Анисимовну Викторову... А кто такая была Фёкла Анисимовна Викторова? Неизвестно. Как деликатно пишет Н. Якушин, сведений, заслуживающих доверия, не сохранилось. На момент знакомства это была свежая двадцатичетырёхлетняя красавица без определённых занятий, умная и хваткая, но совершенно не образованная. Но Николаю Алексеевичу шёл уж пятидесятый год, с умницей он уже пожил, сколько смог. Судьба посылала молодую и красивую девушку. И Некрасов доверился судьбе.

Имя Фёкла казалось поэту неблагозвучным, он переименовал спутницу жизни в Зину, а отчество образовал от своего имени — Николаевна. Отношения этой пары действительно напоминали отношения отца и дочери. Известно, что Некрасов не только водил «Зиночку» в театр, на концерты и выставки, но и нашёл ей учителя русского языка: она оказалась едва грамотна. Однако что значит уметь учиться: через год-другой гражданская жена помогала поэту в вычитке корректур и сверке оттисков с оригиналами.

Друзья Некрасова приняли Зинаиду Николаевну в свой круг с уважением, чему много способствовал её ровный, приветливый характер и неизменное радушие. Что касается родственников, они её не приняли, сочли авантюристкой, охотницей за наследством. С особым предубеждением, как легко догадаться, к невестке отнеслась Анна Буткевич. Вот что пишет ей брат: «Знай, что я вовсе не сержусь и не считаю себя вправе сердиться; я считаю только себя вправе требовать от

тебя из уважения ко мне приличного поведения с Зиной при случайной встрече. [...] Отношения, в которые мы встали, готовят для меня в будущем время от времени болезненные сжимания сердца и упрёки самому себе». Заметьте, уважения к Фёкле Анисимовне Некрасов не требует.

Но г-же Викторовой уже скоро представится шанс показать себя с самой лучшей стороны. Зимой 1872-1873 гг. Некрасов впервые обратился к врачу [доктор Белоголовый — запомните это имя!] по поводу болей в пояснице и общей слабости, а уже в августе 1874 г. пишет из Чудова: «Отчасти хандрю, отчасти работаю, отчасти лечусь». Хандра Некрасова была не английским сплином, а потерей активности, интереса к жизни. Работать становилось всё труднее и труднее. Лекарства не помогали, болевой синдром продолжался. Удивительное впечатление производит переписка Некрасова и Салтыкова-Щедрина. У них обоих одна и та же болезнь — онкологическая, оба неизменно мучаются, оба поддерживают друг друга и призывают к «необходимому равнодушию». Встреча с Салтыковым, который уже с трудом передвигался, в 1875 году произвела на Николая Алексеевича крайне тяжёлое впечатление: собственное будущее предстало ему. Но ещё обольщала надежда: вдруг всего-навсего невралгия?

1 мая 1876 года Некрасов признаётся в письме к Суворину: «Болен так, что не пишется, да и трудно измыслить что-нибудь цензурное. Вот всего четыре стиха:

*Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки,
Пиши пропало, милый друг.
Многим годится, и мне в том числе».*

Снова посетил поэт доктора Белоголового, тот направил его к хирургу, а Некрасов к хирургу не пошёл. Летом его самочувствие крайне ухудшилось. Боли в спине и пояснице стали нестерпимы, спать он не мог, читать тоже, появилась слабость в ногах. Поездка в Ялту принесла временное облегчение, но больной худел на глазах, а похудение знаменует переход рака в терминальную стадию. Вернувшись осенью в Петербург, Некрасов в тот же день послал за доктором Белоголовым,

но даже не смог пройти осмотра — так устал. Осмотр, впрочем, выявил кахексию и громадную опухоль в подвздошной области. Что это значит, сознавали и врач, и пациент.

Салтыков-Щедрин, выкарабкавшийся из собственного заболевания, рассказывает: *«Возвратился Некрасов из Крыма не просто больной, а безнадежно. У него может быть рак. И вот этот человек, повитый и воспитанный цензурой, задумал и умереть под иглом её. Среди почти невыносимых болей написал поэму [«Пир на весь мир»], которую цензура и не замедлила вырезать из одиннадцатого номера. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека... Вот ежели бы был стыд, то этого бы не сделали, хоть ради того, что человек тридцать лет служил литературе и имеет имя».*

В декабре был консилиум, профессор Склифосовский предложил операцию, Николай Алексеевич от операции отказался. Он понимал, что жить осталось недолго, и остался наедине с физическими мучениями и посредственными обезболивающими того времени. Впрочем, не совсем наедине: Зинаида Николаевна проявила себя в высшей степени достойно. Она самостоятельно ухаживала за мужем, днём и ночью дежурила у его постели, сама делала перевязки. В бессонные ночи Николай Алексеевич сочинял стихи и диктовал жене. Вот посвящение ей:

*Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днём
В сердце твоём
Стоны мои отзываются.
Двести уж дней,
Двести ночей.
Тёмные зимние ночи,
Ясные зимние дни.
Зина, закрой утомлённые очи.
Зина, усни.*

Эти двенадцать строк были продиктованы 4 декабря 1876 года, а уже 13 января Некрасов пригласил нотариуса для составления завещания. Свидетелями были Салтыков-Щедрин, Григорий Елисеев и д-р Белоголовый. За три дня до нотариуса явился цензор и просил умирающего не печатать «Пир на весь

мир». Вот действительно: ежели бы был стыд... Но стыда не было.

В первом номере «Отечественных записок» напечатаны «Последние песни» Некрасова. Россия всё поняла, в отличие от Цензурного комитета. Огромное количество писем и телеграмм как от отдельных лиц, так и от коллективов, приходило на петербургский адрес поэта, и, как подчёркивает Белоголовый, «эти манифестации его трогали и возвышали в собственных глазах». Кстати, знаменитый портрет написан Крамским именно зимой 1877 года. Анна и брат Константин записывали автобиографические рассказы Некрасова, которые потом вышли отдельной книжкой.

В марте всем цензорам назло «Последние песни» были изданы в виде книги. Консилиум продолжал настаивать на операции, и поэт, с ума сходя от болей, согласился. Из Вены пригласили знаменитого Бильрота. 4 апреля Некрасов обвенчался с Зинаидой Николаевной — дома, потому что ни в какую церковь ехать он уже не мог. Через восемь дней сделали операцию, и самочувствие Николая Алексеевича временно улучшилось: уменьшились боли, упала температура, он смог не только вставать, но и ходить по комнате. Летом больного перевезли на дачу у Чёрной речки. Он писал стихи, печатался, даже принимал некоторое участие в журнальных делах. Приходили друзья и соратники: Достоевский, Тургенев (они помирились!), Салтыков-Щедрин.

Но метастазы уже делали своё чёрное дело. В конце ноября Некрасов снова стал жаловаться на боли, а к декабрю ему стало настолько плохо, что телеграммой вызвали из имения брата Фёдора. Последним Некрасова посетил Суворин. Шёпотом изнурённый больной говорил о литературе, и только о литературе...

26 декабря около 17.00 умирающий позвал к себе поочерёдно жену, сестру и сиделку и каждой сказал «Прощай». После этого началась агония. 27 декабря 1877 года в 8.50 Николай Алексеевич Некрасов умер.

30 декабря Некрасова похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. В похоронах принимали участие около 4000 человек. Речи говорили А.А. Панаев, Фёдор Засодимский, Г.В. Плеханов (по поручению «Земли и воли»), некий рабочий, чьё имя осталось неизвестным, и Ф.М. Достоевский.

Говорят, мы бяки-буки

22 января в зале презентаций московского книжного магазина «Библио-Глобус» состоялась встреча читательского клуба «Минус один». Тема встречи: Двадцать лет истории — и одна ошибка: перечеркнул ли «Цветочный крест» репутацию «Русского Букера»?

Автор Neznat

Ещё до начала обсуждения к одному выводу точно можно было прийти. Решение букеровского жюри задело многих, и такого количества участников в клубе мы не видели, кажется, со скандальной встречи, посвящённой творчеству Веры Полозковой.

Помимо постоянных участников, в зал презентаций спустились, например, писатели Дмитрий Данилов, Сергей Шаргунов, Юрий Гиренко. Пришла и критик Мария Ремизова — участница того самого коллектива профессионалов, что внезапно прославил «Цветочный крест» на всю страну.

К счастью, не все в зале были критиками и писателями: заходят к нам и нормальные люди, которые не знают список букеровских лауреатов наизусть. Так что начали мы с небольшого вступления. Премия «Русский Букер» начиная с 1991 года вручалась авторам 19 романов. Согласно информации с сайта премии, «Букер» является самой престижной литературной наградой страны. Его цель — «привлечь внимание читающей публики к серьёзной прозе, обеспечить коммерческий успех книг, утверждающих традиционную для русской литературы гуманистическую систему ценностей».

Заявление спорное. Из любопытства я проверила, есть ли отзывы на книги лауреатов «Русского Букера» на нашем сайте: в конце концов, где ещё искать читающую публику, как не на livelib.ru! В большинстве случаев

книг нет даже в базе. А значит, серьёзно говорить о «привлечении внимания» и «обеспечении коммерческого успеха» мы не можем.

Не удивительно, что первый же взявший слово читатель, постоянная участница клуба Елка, предположила, что не будь «Цветочного креста», его стоило бы выдумать. Ведь если раньше «Букер» существовал в какой-то иной читательской вселенной, то теперь о нём узнало множество народу. Другое дело, что узнали не с лучшей стороны, но пиар есть пиар.

Правда, мы тут же выяснили, что выдвижение «Цветочного креста», конечно, не задумывалось как рекламный ход, да и вообще, судя по всему, не обдумывалось лишний раз.

Мария Ремизова честно рассказала о том, как «Букер» дошёл до жизни такой. У жюри премии с самого начала не было единой платформы, единого соображения на тот счёт, что считать хорошим романом, и романом вообще. Сама Мария была категорически против книги Колядиной. Но когда дошло до выбора, в дело, видимо, вступило коллективное бессознательное. Что-то глубоко по Фрейдю. Только так можно объяснить это невероятное решение — выбрать книгу не просто «никакую», среднюю или «так себе», а совершенно ужасную. Книгу с претензией на историчность от автора, лишённого чувства истории, книгу с претензией на новый стиль от автора, лишённого чувства языка... Продолжать можно долго.

В кирпичного цвета свитере - писатель С. Шаргунов, перед ним - писатель Ю. Гиренко, слева с краю - критик В. Пустовая. С микрофоном - Е. Вежлян

Дмитрий Данилов назвал это коллективное бессознательное другими словами: по всей видимости, жюри попутал бес. Правда, путал долго. Сначала как-то сунул свой хвост, то есть крест, в длинный список — а книга не должна была пройти даже этот фильтр. Потом бес проник и в список короткий. И, наконец, очутился непосредственно в подсознании членов жюри. Может, в следующий раз заранее освятить помещение? Учитывая антиклерикальную направленность романа, думаю, представители РПЦ возражать не будут.

Сергей Шаргунов предположил некую связь между вручением премии именно «Цветочному кресту» и близкими по времени событиями на Манежной площади. Может, в воздухе как раз витал некий заказ на «русский дух»? Эту мысль развил Юрий Гиренко. Жюри «Букера», решил он, хотело, во-первых, чего-то глубоко «русского», посконного. Во-вторых, нового, необычного. В-третьих, чтоб из глубинки — московская литературная общественность вечно надеется, что раскопает вдали от столицы нечто невероятное, вроде Грааля. Раскопали. Но явно не то, по всем трем пунктам. Такая матрешка made in China.

Часть выступавших в итоге высказались вообще за отмену всяческих премий. Другие отметили, что истина, так или иначе, всегда проявляет себя, а о дурных книгах просто забывают.

Затем обсуждение неизбежно свелось к оценке самого романа, и мне пришлось выступить в роли адвоката дьявола. Я считаю книгу не ужасной, а средней. Она, разумеется, не годится для «Букера», у неё есть ряд явных недостатков, но это нормальная книга «второго ряда», местами смешная, с занимательным сюжетом, с попыткой нести доброе-вечное. А намерения автора ведь тоже нужно хоть как-то учитывать.

Ситуация с «Цветочным крестом» напоминает мне такую невозможную сцену: где-нибудь в провинции проходит местное соревнование тяжелоатлетов. Один из претендентов делает подход к новому весу и даже — ура! — берёт его. Журналист местной газеты готовится к интервью, тренер утирает пот со лба, зрители шумят... И тут в зал заходят представители Олимпийского комитета и вешают нашему герою на шею натуральную золотую медаль.

Спортсмен не станет от этого хуже, как и его результат. Но теперь негодуют настоящие олимпийцы. Действительно, пошли разговоры о том, что другим кандидатам «в Букера» негоже находиться в одном списке с таким автором. А что ещё хуже, середнячки и даже откровенные двоечники от литературы бросились высмеивать и Колядину, и премию, и всех её лауреатов, рядом с чьими книгами их опусы и не валялись.

В общем, мнения о «Цветочном кресте» поделились между «терпимо» и «кошмарно». Участники стали вспоминать похожие произведения, например, худшие образцы из «Роман-газеты» 90-х, которые так замечательно шли на растопку на даче. Истинные поклонники Колядиной (такие встречаются в сети) к нам так и не явились. Кое-какие ещё голоса в защиту книги поднимались лишь в том смысле, что нехорошо всё-таки ругать автора, прочитав одну-две страницы его книги. А так поступили многие сетевые острословы. Но и в этом вина «Букера»! Не будь его, они об этой книге и не узнали бы. Они смеются над тем, что легче спародировать, а «Цветочный крест» — книга в данном смысле беззащитная,

как котёнок на третьем транспортном кольце.

Хотя переживать стоит лишь за справедливость. Сам автор, кажется, нисколько не пострадал из-за бурной реакции читателей. Более того, в очередном номере журнала «Вологодская литература» уже вышло продолжение «Цветочного креста»! Кстати, процитирую заодно и описание этого славного журнала: «Литературно-публицистический журнал «Вологодская литература» адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус и осведомлённой о высоком предназначении печатного слова, призванного быть словом правды, добра и любви».

В финале встреч читательского клуба обычно проходит голосование, «в топку или на полку» отправить обсуждаемую книгу? На этот раз, по понятной причине, обошлись без него. Что же касается темы нашей встречи «Перечеркнул ли... репутацию» — честно, мы просто забыли ответить на этот вопрос. Давайте выждем год и посмотрим, что станет с «Русским Букером», а что — с творчеством Елены Колядиной.

О букеровских лауреатах на livelib.ru

Всего несколько читателей нашлось у таких книг, как «Генерал и его армия» (Георгий Владимов), «Взятие Измаила» (Михаил Шишкин), «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (Василий Аксёнов), «Без пути-следа» (Денис Гуцко). Относительно известными можно назвать произведения «2017» (Ольга Славникова), «Матисс» (Александр Иличевский), «Время женщин» (Елена Чижова) и, разумеется, злосчастный «Цветочный крест» (Елена Колядина) — впрочем, последний не получил ни одной оценки «понравилось». Лидерами оказались «Библиотекарь» (Михаил Елизаров), «Белое на чёрном» (Рубен Давид Гонсалес Гальего) и, конечно, «Казус Кукоцкого» (Людмила Улицкая). Но вряд ли можно заявить, что именно «Букер» прославил последних трёх авторов.

Просмотрите весь список лауреатов сами и подсчитайте, сколько вам известно книг, «утверждающих традиционную для русской литературы гуманистическую систему ценностей». Книг, не прочитав которые, мы, по идее, недостойны называться читателями.

Организаторы встречи Е. Вежлян и Е. Пономарева

Ведущие Е. Вежлян (слева) и Е. Пономарева слушают мнение читательницы, Натальи. За ней - поэт и критик В. Губайловский и писатель Д. Данилов

О клубе «Минус один»

Читательский клуб «Минус один» назван так, во-первых, в честь места сбора — зал презентаций магазина «Библио-глобус» на Мясницкой находится в подвальном (минус первом) этаже. А во-вторых, отражает убеждение организаторов: читатель имеет право на собственное мнение. На свой «+1» или «-1» в комментариях к любому литературному произведению.

Всего в рамках клуба за три года его существования прошло 19 встреч. Ведущие клуба: профессиональный критик Евгения Вежлян и непрофессиональный критик Елизавета Пономарева (создатель сайта vtopku.ru). Особенность наших мероприятий в том, что мы собираем как обычных читателей, так и специалистов: критиков, педагогов, литературоведов, писателей. Мы хотим соединить и

обогатить два этих далеко разошедшихся мира. А вот авторов обсуждаемых книг мы никогда не зовём (так что не надейтесь на автограф-сессии). Мы считаем, что это условие позволяет нам сохранить свободу мнения. Вход на встречи свободный. Анонсы вывешиваются на сайте chitclub.ru.

На следующей встрече, которая состоится в феврале, мы собираемся обсудить новую книгу Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр», а также прочие произведения автора, в том числе и «Казус Кукоцкого», сделавший Улицкую в 2001 году лауреатом, извините, «Русского Букера».

Будем рады видеть вас и услышать ваши мнения!

Обзор фантастики - 2010

Всеми нами любимый хомячок сегодня играет на своем поле - пишет о фантастике и фэнтези. Читайте в обзоре: кому достались в ушедшем году премии, кто написал самые интересные книги, как поживали давно знакомые авторы, с какими книгами появлялись новые, и над чем трудились переводчики, и что где пользовалось популярностью.

Автор Deli

Открываем обзор светской хроникой. Как вы, возможно, помните, одним из самых памятных событий 2009 года для всех любителей фантастики стало посвящение Терри Пратчетта в рыцари-бакалавры королевой Елизаветой II. А в 2010 году Британская геральдическая палата представила герб нашего нового рыцаря. На нём вы можете увидеть книги. Куда же без них? Удивление может вызвать египетский анк. Но это же тонкий намек на Анк-Морпорк! А девиз под гербом «Noli timere messorum» с латыни переводится «Не бойся жнеца». Фанаты Смерти довольно улыбаются ^_^ А в ноябре писателю вручили британскую премию Galaxy National Books Award «за особый вклад в развитие книгоиздательской промышленности». Bravo, сэра Терри!

После долгого перерыва в минувшем году переводчики порадовали нас целыми двумя книгами: «Вором времени» из цикла о Плоском мире и внесерийным «Народом», на тот момент являвшимся самым свежим и довольно неожиданным в контексте творчества автора. А тем временем на родине вышел в свет «I Shall Wear Midnight» — 38-й том эпопеи о Плоском мире. Пожелаем Пратчетту неистощимого вдохновения и творческих успехов, пусть и впредь его будут переводить не менее оперативно!

Герб сэра Тэрри Пратчетта

В американский «Зал славы научной фантастики и фэнтези» было введено четыре новых имени: Октавия Батлер, Ричард Матесон, Дуглас Трамбулл и Роджер Желязны. Напомним, что в этот список каждый год вносятся четыре наиболее значительных фантаста — два живых и два посмертно.

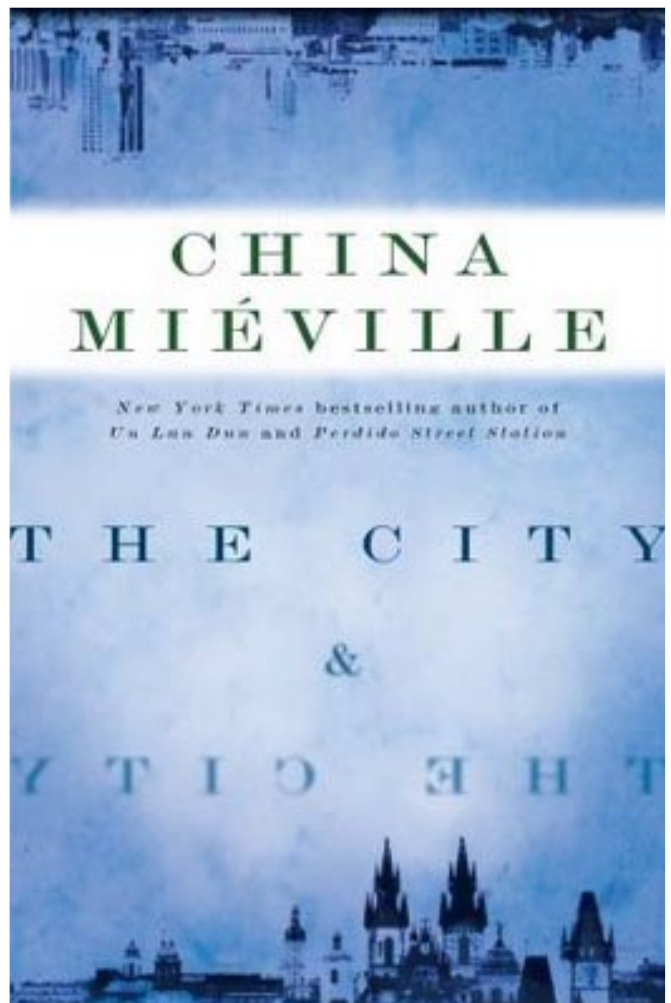
В целом же на фантастическом фронте в минувшем году было достаточно спокойно, хотя не обошлось без потерь: ушли из жизни Роберт Холдсток, Кейдж Бейкер, Уильям Тенн, Джеймс П. Хоган, Чарлз Табб — многие из этих имён в России почти не известны. А вот с творчеством английской писательницы Евы Ибботсон знакомы многие, и на Ливлибе неоднократно хвалили её необычные сказки.

А вот о приобретениях говорить всегда сложно, никогда не можешь быть уверен, что ярко вспыхнувшая звезда не закатится через пару лет. Однако одним из самых ярких дебютов

года можно назвать роман-антиутопию Паоло Бачигалупи «The Windup Girl», получивший сразу пять премий: Nebula, Compton Crook Award, Hugo, премия Джона Кэмпбелла и журнала «Locus» за лучший дебютный роман.

Почти не уступает новичку и один из последних романов Чайны Мьевилля «The City & The City», собравший премии: Британской ассоциации научной фантастики, Артура Кларка и уже упомянутый Locus. А в мае у писателя вышел новый роман «Kraken».

Кстати, среди получивших премию журнала «Locus» были такие известные в России авторы, как Питер Бигль, Нил Гейман, Джин Вулф, Урсула Ле Гуин и Скотт Вестерфельд. Нил Гейман также был награждён Медалью Карнеги — британской премией в области детско-юношеской литературы.

Но не только за рубежом начинающие фантасты срывают лавры почёта. В 2010 году сразу две премии — «Старт» Аэлиты и «Дебютная книга» Интерпресскона — получил автор из Владивостока Илья Тё. Его фантастические боевики в стиле альтернативной истории отличаются динамичностью и непредсказуемостью сюжета и пришлись по вкусу многим читателям. К сожалению, несмотря на заслуги, автор остаётся почти не известным. Похоже, раскрутка призёров не входит в политику отечественных издателей.

Зато коммерчески успешные проекты продолжают развиваться и процветать. Открывшийся ещё в 2009 году мистический сериал «Этногенез» к началу 2011 года только-только подошёл к своей середине и «по ходу» решил постепенно прикрывать выход аудиоверсий, обеспечивающих 90% и так довольно скромного, но не приносящего доходов успеха. Правда, уровень у входящих в цикл произведений довольно разный, а выше всех оцениваются линии уже признанных мастеров жанра: «Блокада» Кирилла Бенедиктова и «Сомнамбула» Зоричей. Однако окончательные выводы делать пока рано: подождём, пока сериал хоть немного приблизится к завершению.

Аналогичным «Этногенезу» считают проект Дмитрия Глуховского «Вселенная Метро 2033» — в основном, из-за аналогичного броского оформления в мягких обложках. Но целью своего проекта Глуховский всё-таки полагал открытие пишущих фантастику молодых талантливых авторов, а не коммерческий успех. Поэтому наряду с известными фантастами (такими, как Владимир Березин и Шимун

Врочек) в сериал вошли книги начинающих писателей, и читательская оценка их была довольно высока.

Также Дмитрия Глуховского можно поздравить с дебютом за границей. Его дилогия была переведена на английский и обрела такой успех у английских читателей, какого, наверное, не имела и в России.

Нельзя обойти вниманием и новый роман Дивова «Симбионты». В нем автор остаётся верным своему стилю, что высоко оценили фанаты автора.

А в начале года американским издательством был осуществлён перевод первого тома «Хроник Сиалы» Алексея Пехова. Правда, работа над остальными частями идёт слишком медленно, и любители фантастики негодуют, а иные искренне расстроены, что не знают русского, иначе побежали бы читать в оригинале. Прямо гордость берет =)

Но не только иностранных, а и родных русских читателей в 2010 году смог порадовать мастер фэнтези. В соавторстве с Еленой Бычковой и Натальей Турчаниновой у Алексея Пехова вышла заключительная книга цикла «Киндрэт» под названием «Новые боги», а также сольный роман «Страж», получившие положительные оценки у читателей Ливлиба.

Вообще же в минувшем году российские фантасты порадовали поклонников долгожданными или неожиданными, но оттого не менее приятными сюрпризами. У Ольги Громыко вышло окончание дилогии Года Крысы под названием «Путница», встреченное такими же восторгами, как и первая часть. Еще одна дилогия «Экзорцист» была издана у Павла Корнева, состоит она из книг «Проклятый металл» и «Жнец».

У Далии Трускиновской появилось интересное произведение в стиле альтернативной истории «Дурни Вавилонские», опубликованное в новом издательстве «Снежный Ком М», в начале года также выпустившем киберпанковский роман Мерси Шелли «2048», который мы не так давно обсуждали в Издательстве.

Вадим Панов выпустил сразу две книги: «Паутина противостояния» и «Хаосовершенство», но, по мнению читателей, привлекать к проекту посторонних авторов было не самым разумным решением. У Василия Головачёва тоже вышло две книги: «Мегаморф» – вполне достойное завершение трилогии Реликта; и «Делирий», оценки которого были более сдержанны.

Ник Горькавый порадовал читателей финальной частью истории о приключениях вундеркинда Никки Гринвич «Полет за сингулярность», название которого было безжалостно изменено издателями на безликое «Возвращение Астровитянки».

У молодой, но уже известной писательницы Натальи Щербы тоже вышло две книги: юмористическое фэнтези «Ведьмин крест» и городское «Двуликий мир». Уровень у этих произведений намного выше, чем у ранних. Ещё одна книга от молодого, но перспективного автора: городское фэнтези с мифологическими мотивами «Дети богов» Юлии Зонис, собравшее исключительно положительные отзывы.

Неоднозначные реакции вызвал сатирический роман Леонида Каганова «Лена Сквоттер и парагон возмездия». Мнения критиков сошлись на том, что произведение интересное, но разгоревшейся вокруг него шумихи не стоит.

У дуэта Г. Л. Олди вышла диалогия «Urbi et orbi», продолжающая цикл про Ойкумену, оцененная читателями положительно. А у дружественной им четы Дяченко – «Мигрант, или Brevi Finietur», продолжение цикла Метаморфоз, начатого известной всем «Vita Nostra».

И, наконец, в конце года вышла долгожданная история от сэра Мелифаро – «Обжора-хохотун» Макса Фрая. Счастливые фанаты хлопали стоя.

Среди зарубежных произведений, переведённых в 2010 году на русский язык,

особняком стоит антиутопия шведской писательницы Нинни Хольмквист «Биологический материал». Не являясь фантастикой в полном смысле этого слова, в романе есть страшная действительность, образы которой уже проскальзывали в мировой литературе.

Также появилось долгожданное окончание «Меча Истины» Терри Гудкайнда – «Последнее правило волшебника». И автор литературных фантазмагорий Джаспер Ффорде порадовал свои поклонников новой книгой «Неладно что-то в нашем королевстве, или Гамбит Минотавра». Вышла долгожданная постапокалиптика от Кормака Маккарти – «Дорога», успевшая на родине принести автору Пулитцеровскую премию и первое место в списке «100 лучших художественных и научно-популярных книг за последние 10 лет» по версии The Times.

Что касается переводного фэнтези, то издательство «Эксмо» не оставило проекты, начатые ещё в 2009 году. Целые две серии в шикарном оформлении живут и развиваются.

Во-первых, это «Мастера меча и магии», в которой ранее уже издавались всем известные книги Линн Флевеллинг и Тэда Уильямса. В 2010 году в серии были изданы произведения Робин Хобб, Роберта Сальваторе, Brenta Уикса, Андрэ Нортон («Три руки для Скорпиона») и многих других прекрасных авторов.

Во-вторых, это серия «Чёрная фэнтези», познакомившая наших читателей с направлением, которое ранее почти никак не выделялось на российском книжном рынке.

Hugo Award - литературная премия в области научной фантастики, учреждённая в 1953 году. Названа в честь Хьюго Гернсбека – создателя первых специализированных научно-фантастических журналов. Премия присуждается ежегодно за лучшие произведения в жанре фантастики, опубликованные на английском языке, по результатам голосования зарегистрированных участников Всемирных конвентов любителей фантастики и поэтому считается читательской.

Nebula Award – премия, учреждённая Американской ассоциацией писателей-фантастов (SFWA – Science Fiction and Fantasy Writers of America). Присуждается раз в год голосованием членов SFWA.

Именно в этой серии были изданы трилогия Джо Аберкромби «Первый закон», второй том которой вышел в начале 2010 года, а окончание перевода третьего планируется на 2011-й; трилогия Р. Скотта Бэккера «Князь Пустоты» и «Громберлардский цикл» Феликса В. Креса. В 2011 году в серии начало выходить переиздание фантастических детективов Глена Кука.

На переиздания прошлый год вообще был богат. Чего только стоят новые обложки Нила Геймана и собрания сочинений Филиппа Дика. Наконец-то поклонники Джима Батчера смогут собрать сериал «Досье Дрездена» с оригинальными обложками. Новые красивые обложки получил и автор мистических триллеров Уильям Хоуп Ходжсон. И ещё два автора ужасов – Дин Кунц и Клайв Баркер – переизданы в серии «Книга-загадка».

Не менее важным явлением в русской и переводной фантастике можно назвать увеличение количества сборников фантастических рассказов.

Само по себе издание сборников является экономически куда менее прибыльным, чем выпуск полноценных романов, что всегда отрицательно сказывается на мастерах малой прозы. У зарубежных подчас не было шансов дойти до нашего читателя. «Азбука-классика» ещё в 2008 году начала выпуск сборников фантастических рассказов, разбивая их по жанрам. И в последние два года издание встало на постоянную основу, чуть ли не каждый месяц радуя читателей огромным фолиантом самых разнообразных рассказов классиков и новичков, как русских, так и зарубежных.

Одним из самых ярких событий в переводной фантастике прошлого года стало издание в серии «Шедевры фантастики» издательства «Эксмо» сборника «Чёрная магия». В нём собраны рассказы от лучших авторов фантастики и фэнтези, очень неожиданные, интересные и впервые переведённые на русский язык.

Нельзя обойти вниманием и повышение интереса к юношескому фэнтези. До недавних пор это активно развивающееся на западе направление в России было представлено лишь произведениями Джоан Роулинг, Йона Колфера, Джонатана Страуда и немногих других. Теперь же этому жанру отведена

целая серия «Люди против магов». И, что интересно, тоже издательства «Эксмо». Именно благодаря этому издательству российские читатели имели возможность познакомиться с циклом Рика Риордана про Перси Джексона, с новым амплуа Джоанн Харрис в «Рунной магии». Что касается открывшего серию Страуда, то в 2010 году была переведена его книга «Победители чудовищ», и будем надеяться, что именно эта серия выпустит написанный недавно долгожданный четвёртый том уже-не-трилогии Бартимеуса «Кольцо Соломона».

И напоследок – самые приятные новости. На этот раз радует нас издательство «АСТ», в 2009 году опубликовавшее роман Питера Уоттса «Ложная слепота», номинированный на Хьюго и премию Джона Кемпбелла. Книга имела огромный успех у российских читателей, и в 2010 году в издательстве стартовала серия «Сны разума», в которую вошли лучшие произведения зарубежных фантастов, номинированные и получившие премии Хьюго, Небьюла и некоторые другие.

Именно благодаря этой серии русские любители фантастики получили возможность прочитать «Эффельхайм» Майкла Флинна, «Спин» Роберта Уилсона, сборник рассказов «Купец и волшебные врата» Теда Чана, «Вихри Мраморной арки» Кони Уиллис. И сколько ещё открытий чудных нас ждёт в наступившем году.

Так что пессимистические мнения о затухании фантастики в России не имеют ничего общего с реальностью. АСТ и Эксмо продолжают издавать и переиздавать мэтров. Армада и опять же Эксмо занимаются ещё выведением в люди начинающих авторов, многие из которых получают читательское признание.

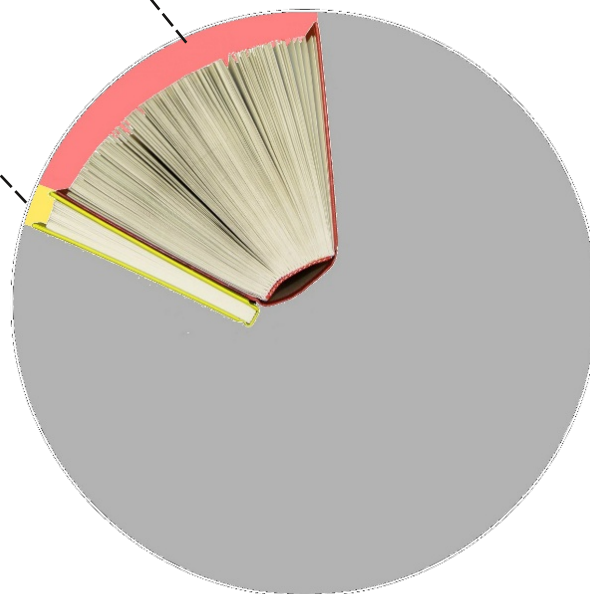
Несправедливо также мнение о том, что НФ и фэнтези уступают место мистическим любовным романам, отходя на второй план. Ситуация здесь довольно абсурдна – хотя бы потому, что именно предложение породило спрос. Активная рекламная политика убеждает в повсеместной популярности жанра, который на западе изначально считался подростковым.

Так что всё прекрасно в книжном королевстве, и надеемся, что наступивший год подарит нам ещё много интересных открытий, много книг, прекрасных и захватывающих.

Фантастика на Лайвлибе за 2010 год

13,4% фантастика и фэнтези

3% Мистические книги

В ушедшем году, как и во всех остальных, число прочтённых фантастических книг было более чем скромным. А мистику читатели Лайвлиба и вовсе не жалуют. Эти цифры особенно скромно выглядят рядом со статистикой продаж фантастики в Америке.

Продажи книг в США за 2010 год

Любовные романы

1360

миллионов

Посмотрим, как обстоят дела у НФ и фэнтези за океаном. Считается, что они уступают место мистическим любовным романам, отходя на второй план. Активная рекламная политика убеждает в популярности жанра, который на западе изначально считался подростковым.

Посмотрим, как обстоят дела с продажей книг в США по материалам исследования Business Weekly.

В год продается примерно 1,36 миллиарда любовных романов. 550 миллионов продаваемых книг – фантастика. Прочей художественной литературы продаётся всего лишь 400 миллионов книг.

Publishers Weekly провела более подробный анализ и выяснила, что из художественной литературы самым популярным жанром является мистика – 19% с продаж.

Фантастика

550

миллионов

Прочая худ. литература

400

миллионов

В поисках голема

По легенде, каждые 33 года в Праге объявляется мистическое существо. Extranjero отправляет на его поиски искателя приключений. События рассказа тесно переплетены с романом «Голем» Густава Майринка, и внимательный читатель может представить оригинальный сюжет романа.

Поиски Голема завели меня в Прагу. Именно здесь, в Еврейском квартале, по слухам, каждые 33 года появляется Голем. Если мне удастся заполучить его, или даже страшно предположить — подчинить Голема своей воле, я смогу осуществить то, к чему я так долго стремился.

Легенды о Големе восходят к XVII веку. Пользуясь утерянными теперь указаниями каббалы, один раввин сделал искусственного человека, так называемого Голема, чтобы тот помогал ему звонить в синагогальные колокола и исполнял всякую чёрную работу.

Однако настоящего человека из него не получилось, только смутная, полусознательная жизнь тлея в нём. Да и то говорят, только днём и поскольку у него во рту торчала магическая записочка, втиснутая в зубы: эта запи-

сочка стягивала к нему свободные таинственные силы вселенной.

И когда однажды перед вечерней молитвой раввин забыл вынуть у Голема изо рта талисман, тот впал в бешенство, бросился по тёмным улицам, уничтожая всё на пути.

Пока раввин не кинулся вслед за ним и не вырвал талисмана.

Тогда создание это упало бездыханным. От него не осталось ничего, кроме небольшого глиняного чурбана, который и теперь ещё показывают в Старой синагоге».

Но я не верю в то, что на этом всё закончилось. Если мне удастся встретить Голема на улице, я попытаюсь завладеть этим талисманом, и тогда Голем окажется в моих руках.

***

С трудом нашёл себе крохотную комнату на четвёртом этаже Петушьей улицы. Кажется, эти евреи не слишком дружелюбно относятся к незнакомцам, раствориться среди них будет сложнее, чем я предполагал. О Големе ничего не известно, и пока я не встретил ни одного человека, который мог бы что-нибудь о нём знать.

***

Наверное, это самая ужасная дыра во всей Праге: облезлые дома стоят как попало, словно гнилые зубы, растущие из рыхлых дёсен земли, всё, что могло размокнуть или заржаветь — размокло и заржавело, так что водостоки словно кровоточат ржавчиной. Такое ощущение, что в этом уголке нашего славного города всё время идёт дождь и никогда не бывает светло и спокойно. Весь квартал захватили попрошайки, кажется, их здесь больше, чем обычных жителей.

***

Сегодня я зашёл в лавку к местному старьёвщику, Аарону Вассертруму. Ничего особенного на его лотке я не нашёл, да и не искал. Чтобы как-то направить разговор в нужное русло, я начал расспрашивать его о редкостях, которые не продают с прилавка. Конечно же, он сразу отказался от сопричастности к подпольной торговле, но если подпольщики, почуяв опасность, сразу отказываются от разговора и пытаются выставить тебя за дверь, то старик вёл себя по-иному. Он постоянно лепетал что-то неразборчивое, сбивал меня и постепенно вытягивал из меня вопросы, ни на один не дав ответа. И лишь под конец посоветовал зайти к майстеру Пернату, реставратору и резчику по камню. Пернат живёт напротив меня, и я даже вижу какое-то движение у него в комнате. Определённо, надо быть осторожнее и лучше взять с собой оружие.

***

Странно, но Пернат не открыл мне дверь, несмотря на то, что в квартире он явно был. Выйдя из подъезда, я почувствовал на себе чей-то взгляд. Резко оглянувшись, заметил, что за мной наблюдает Вассертрум. Резкие движения были ни к чему: Вассертрум и не думал прятаться и отводить взгляд.

***

С этого дня я стал постоянно наблюдать за квартирой Перната. По соседству с его квартирой была ещё одна, нежилая. Пернат в течение последних дней почти не подаёт признаков жизни. Но то, что он постоянно живёт в этой квартире, несомненно. Окончательно убедившись в том, что соседняя квартира нежилая, я совершил ночную вылазку. Осмотрел замок. Взломать его будет парой пустяков — спасибо опыту бурной молодости. Из соседней квартиры я легко могу прослушать всё, что происходит у Перната. И вот настал мой час: у Перната собралась компания, сквозь открытое окно ветер доносит до меня шум голосов, и, вооружившись отмычкой, я ухожу в соседний дом.

***

Я не верю в свою удачу. Месяцы в библиотеках, долгие разговоры, путешествие в Прагу, слежка за соседними окнами, когда минуты растягиваются неимоверно, и в одном подслушанном разговоре я узнаю намного больше, чем знал до этого. Я с трудом удерживаю себя за печатной машинкой, надо побыстрее записать каждое слово, пока не забыл.

Итак, у Перната собрались гости, весьма колоритная публика, чтобы справить день рождения хозяина. Как оказалось, к Пернату заходил некий господин, и занес книгу «Ibbug» для реставрации. По описанию он был похож на Голема. Среди гостей был некий марионеточный актер Цвак, который немало знает о Големе. Как оказалось, уже веками в этом квартале каждые 33 года на улицах появляется Голем, наводя всеобщую панику. «Неизменно каждый раз совершенно чужой человек, безбородый, с жёлтым лицом монгольского типа, в старинной выцветшей одежде, идёт по направлению от Старосинагогальной улицы — равномерной и странно прерывистой походкой, как будто он каждую секунду готов упасть — идёт по еврейскому кварталу и вдруг... становится невидим.

Обычно он сворачивает в какой-нибудь переулок и исчезает.

Одни говорят, что он описывает круг и возвращается к тому месту, откуда вышел: к одному старенькому дому возле синагоги.

Другие с перепуга утверждают, что видели его идущим из-за угла. Он совершенно ясно шёл им навстречу, и тем не менее становился всё меньше и меньше и, наконец, совершенно исчезал, как исчезают люди, теряясь вдали.

Шестьдесят шесть лет тому назад впечатление, вызванное им, было, по-видимому, особенно глубоко, потому что помню — я был ещё совсем мальчиком, — как сверху донизу обыскали тогда здание на Старосинагогальной улице.

И было твердо установлено, что в этом доме действительно существует комната с решетчатыми окнами, без всякого выхода.

На всех окнах повесили бельё, чтобы сделать это очевидным с улицы. Этим всё дело и было обнаружено.

Так как пробраться в неё было никак нельзя, один человек спустился по верёвке с крыши, чтобы заглянуть туда. Однако, едва он достиг окна, канат оборвался, и несчастный, упав, разбился о мостовую. И когда впоследствии повторили попытку, то мнения об этом окне так разошлись, что о нём перестали говорить.

Я лично встретил Голема первый раз в жизни приблизительно тридцать три года тому назад.

Он встретился мне под воротами, и мы почти коснулись друг друга.

Я и теперь ещё не могу постичь, что произошло тогда со мной. Ведь не несёт же в себе человек постоянно, изо дня в день, ожидание встретиться с Големом.

Но в тот момент, прежде чем я мог заметить его, что-то во мне явственно вскрикнуло: Голем! И в то же мгновение кто-то мелькнул из темноты ворот и прошёл мимо меня. Спустя секунду меня окружила толпа бледных возбуждённых лиц, которые осыпали меня вопросами, не видал ли я его.

И когда я им отвечал, я чувствовал, что мой язык освобождается от какого-то оцепенения, которого раньше я не ощущал.

Я был форменным образом поражён тем, что могу двигаться, и для меня стало совершенно ясно, что хотя бы самый короткий промежуток времени — на момент одного удара сердца — я находился в столбняке».

Бинго! Всего один вечер, а я уже знаю,

откуда появляется Голем, где он находится и как выглядит! К тому же я теперь уверен в том, что вла-делец книги «Ibbug» и есть тот самый Голем. Позже гости стали обсуждать прошлое Перната. Как оказалось, он лечился в больнице для умалишённых, после чего потерял память.

Позже гости направились в кабак к Лойзичек, а я благополучно оставил их дом. Как в доме, так и на улице никого не было, поэтому я уверен в том, что моя вылазка осталась незамеченной.

***

Итак, подведём итоги вчерашнего вечера. Мне обязательно надо разведать, что это за комната в здании на Старосинагогальной улице, разузнать получше об этом Цваке и подготовиться к встрече с Големом.

***

За два вечера, проведенные у Лойзичек, единственное, что я узнал о Цваке, так это то, что, несмотря на великолепные возможности в молодости, он остался марионеточным кукольником и всю жизнь прожил в этом квартале. Мой пьяный собеседник удивился, почему он, имея все возможности навсегда покинуть это место, остался здесь.

Осмотрев дом на Старосинагогальной улице, я заметил окно, подходящее под описание Цвака. Архитектура здания мне незнакома, и никакого входа в эту комнату я, конечно же, не нашёл. Мои попытки что-то узнать о книге «Ibbug» тоже не увенчались успехом.

***

Еврейский квартал взбудоражен: Голем снова появился на улице! На этот раз его появление никто не предвидел: он словно появился из-под земли и, зайдя за угол, исчез. Перед появлением Голема произошло убийство, и во всём квартале чувствуется возбуждение. И наверняка Голем появится снова. Теперь я буду целыми днями следить за этим домом и за решетчатым окном, чтобы снова не упустить его.

***

Вчера, во время моего очередного дежурства, ко мне подошел худой, лихорадочного вида молодой человек. Назвавшись Харусеком, он долго рассказывал мне о еврейском квартале, о его жителях. Потом резко спросил, что я делал вечером в ателье по соседству с Пернатом. У меня всё похолодело внутри, и пока я лихорадочно думал, кто он и как с ним разговаривать, Харусек, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Аарон Вассертрум. Вы разговаривали с

ним? Сначала я подумал, что вы в сговоре с ним, но вы допустили много грубых ошибок, это не в стиле Вассертрума. Возможно, только эти ошибки и спасли вам жизнь.

Я почувствовал, как всё вокруг рушится. Всё время о каждом моём шаге в этом квартале знали. Харусек продолжил:

— Вас влечёт к этому дому история о Големе, так? Впрочем, не отвечайте, сейчас вам лучше навсегда покинуть Прагу и забыть обо всём, что вы слышали о Големе.

Вы невысокого мнения о старике Вассертруме? Да, этого старого паука никто не воспринимает всерьёз. Вы и не подозреваете, как он радовался, когда вы вломились в это ателье! Да, в этом квартале не только Цвак играет марионетками.

А сейчас слушайте меня внимательно:

Как только старик узнает, что вам нужно, он заведёт разговор о докторе Савиоли. Не верьте ни единому слову старика, и держитесь подальше от ателье и от этой истории с Савиоли. И ещё по поводу вашего увлечения: Голема не существует, это миф. И сколько бы вы ни стояли на углу улицы, вы его не встретите. Поэтому вам лучше найти другой объект для ваших увлечений, за пределами этого города.

Харусек согнулся от сильнейшего приступа кашля. Он хотел сказать что-то ещё, но ему не хватило дыхания.

***

Холодный ветер, гуляющий среди домов, промозгая, сырая погода этого города сделали своё дело: на следующий день после встречи с Харусеком я слёг с жесточайшей простудой. Как, как они могли узнать о каждом моём передвижении? В ином случае я принял бы речь Харусека за бред сумасшедшего, но он поразительно осведомлён о каждом моём движении. Спуститься напрямиком в лавку к Вассертруму и выложить ему всё? Нет, нет, студент был прав: именно благодаря старьёвщику я начал штурмовать квартиру Перната. Я не могу больше ждать, мне надоело плутать: сегодня вечером я отправляюсь на Старосинагогальную улицу с намерением попасть в эту комнату с решетчатыми окнами.

***

Это была последняя запись, найденная в заброшенной комнате на Петушьей улице. Личность оставившего эти записи до сих пор остается неизвестной.

Почта:

magazine@livelib.ru

В журнале использованы шрифты PT Sans и PT Serif.

Материалы взяты с сайта www.livelib.ru.